

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

INTERNATIONAL BESTSELLING AUTHOR

ЧЕТВЕРТАЯ ОБЕЗЬЯНА

Чем-то напоминает
«Молчание ягнят»
или Стивена Кинга,
но гораздо сложнее
и гораздо интереснее.
[amazon.com](https://www.amazon.com)

После очередного
преступления
рядом с жертвой
находят надпись
«Не совершать зла».

ДЖЕЙ ДИ БАРКЕР

Джей Ди Баркер
Четвертая обезьяна
Серия «Иностранный детектив»
Серия «У4О», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25231251

Джей Ди Баркер. Четвертая обезьяна: Центрполиграф; Москва; 2017

ISBN 978-5-227-07621-2

Аннотация

Чикаго. Раннее утро. Под колесами автобуса погибает мужчина. Лицо его изуродовано до неузнаваемости, документов при нем нет. Зато рядом найдена белая коробка, перевязанная черной бечевкой, а в ней – человеческое ухо. Детектив Сэм Портер понимает, что это знак серийного убийцы У4О («Убийцы четырех обезьян»), который безнаказанно орудует в городе вот уже десять лет. После очередного преступления он оставляет надпись «Не совершать зла», связанную, по всей видимости, с древней притчей о четырех мудрых обезьянах. Чутье подсказывает Портеру, что вещи погибшего, и среди них дневник самого убийцы, – это своего рода издевательские подсказки, которыми маньяк намеренно дразнит сыщиков, бросая им вызов...

Содержание

1	8
2	12
3	19
4	24
5	32
6	36
7	43
8	49
9	52
10	67
11	70
12	82
13	88
14	89
15	103
16	108
17	118
18	122
19	133
20	135
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Джей Ди Баркер

Четвертая обезьяна

J. D. BARKER

THE FOURTH MONKEY

a novel

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Copyright © 2017 by J. D. Barker

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Сложно, увлекательно, захватывающе! автору можно смело поставить «отлично».

Clues and Reviews

Финалист премии Брэма Стокера мастерски соединяет, казалось бы, разрозненные сюжетные линии только к само-

му финалу. Устрашающие картины убийств и чрезвычайно сложное расследование неразрывно переплетены в этом дьявольски мрачном триллере.

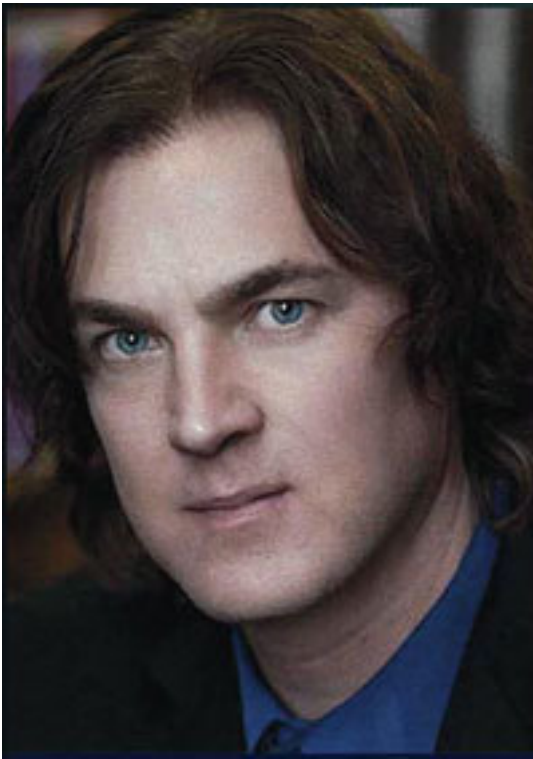
Library Journal

Оригинальный авторский стиль, изящество деталей и проступающая сквозь них канва классического триллера. В этом истинный Баркер.

Publisher's Weekly

Темный, наполненный ужасающими подробностями откровенный роман для настоящих ценителей! Книга, которую нельзя пропустить!

The World is a Book

Джей Ди Баркер – популярный американский писатель, родился 7 января 1971 года в Ломбарде, штат Иллинойс. После обучения в Art Institute of Fort Lauderdale получил степень в сфере бизнеса. Еще в колледже он почувствовал призвание литератора и стал сотрудничать в различных журналах, интервьюировал знаменитостей и писал о паранормальных явлениях. Пристрастие к непознанному, таинственному

и определило его интерес к фантастике и остросюжетной тематике на манер Дина Кунца и Стивена Кинга. Первая книга Баркера «Потерянный» (Forsaken, 2014) была номинирована на премию Брэма Стокера за выдающееся достижение в дебютном романе и получила немало премий, включая такую как New Apple Medalist Award. После этого роман вошел в список 100 лучших бестселлеров по версии Amazon, а сам Баркер удостоился предложения от семьи Стокеров написать приквел к культовому роману о Дракуле. Новый роман автора «Четвертая обезьяна» издан одновременно крупными издательствами в Америке и Англии и продан для теле- и киноэкранизации.

Посвящается моей матери

*Не бросай чтение. Мне очень нужно, чтобы ты
понял, что я сделал.*

Дневник

Портер – день первый, 6.14

Назойливо затренькал телефон. Дзынь... дзынь...

«Я же отключил звук. Почему все равно слышу, что мне пришло сообщение? Почему я вообще что-то слышу? Корпорация «Эппл» без Стива Джобса превратилась в дерьмо».

Не открывая глаз, Сэм Портер перекатился на правый бок и принялся нащупывать телефон на прикроватной тумбочке.

Глухо звякнув, как и положено китайской дешевке, на пол упал будильник.

– Чтоб меня!

Нашарив телефон, он с трудом отсоединил его от зарядки и, прищурившись, поднес к самому лицу. На ярко освещенном экране прочитал:

«Позвони мне – 911».

Сообщение от Нэша.

Портер посмотрел на ту половину постели, где спала жена. Вместо нее там лежала записка...

«Пошла за молоком, скоро вернусь.

Целую-обнимаю.

Хизер».

Он вздохнул и снова посмотрел на дисплей телефона.

Время – 6.14.

Вот тебе и тихое воскресное утро!

Портер сел и перезвонил напарнику. Тот ответил после второго гудка:

– Нэш слушает.

– Привет, это я.

Нэш заговорил после короткой паузы:

– Портер, извини. Я долго думал, звонить тебе или нет. Наверное, раз десять набирал твой номер, а потом сбрасывал... В конце концов решил послать тебе эсэмэску. Дал тебе возможность, так сказать, проигнорировать меня, понимаешь?

– Все нормально, Нэш. Что там у тебя?

Снова пауза.

– Тебе лучше самому приехать и взглянуть.

– На что взглянуть?

– Тут ДТП... Несчастный случай...

Портер потер висок:

– ДТП? Мы с тобой служим в убойном отделе. С каких пор мы еще и ДТП занимаемся?

– Уж ты мне поверь, тебе лучше самому приехать и взглянуть, – многозначительно повторил Нэш.

Портер вздохнул.

– Куда ехать?

– Рядом с Гайд-парком, на Пятьдесят пятой. Я только что переслал тебе адрес.

Телефон звонко тренькнул прямо в ухо, и Портер неволь-

но отдернул его подальше.

«Гребаный айфон!»

Он прочитал адрес и сказал Нэшу:

– Буду на месте через полчаса. Годится?

– Ага, – отозвался Нэш. – Мы тут все равно застряли на долго.

Портер нажал отбой и с трудом спустил ноги на пол, прислушиваясь к скрипам и стонам, которые в знак протеста издавал его пятидесятивосьмилетний организм.

Солнце уже вставало; его лучи проникали в спальню между створками жалюзи. Странно, какой тихой и мрачной кажется квартира без Хизер.

«Пошла за молоком»...

На глаза ему попалась полупустая литровая бутылка «Джека Дэниелса». Она стояла на прикроватной тумбочке совсем недалеко от сброшенного на пол будильника. Треснувший циферблат тускло мерцал на полу; закорючки на нем уже не были похожи на цифры.

Сегодня явно не его день.

Последнее время таких дней становится многовато.

Портер потянулся к бутылке, но решил, что виски в шесть утра – перебор даже для него. Он нехотя встал и зашаркал в ванную.

Через десять минут Портер вышел из квартиры, одетый в свой лучший костюм – мятый темно-синий, купленный в магазине готового платья лет десять назад, – и по лестнице

спустился с четвертого этажа. В тесном подъезде остановился возле почтовых ящиков и набрал номер жены.

– «Вы позвонили Хизер Портер. Поскольку вас переключили на автоответчик, скорее всего, я увидела ваше имя на определителе номера и решила, что не хочу говорить с вами. Желающих заплатить дань в виде шоколадного торта или других сладостей прошу написать подробности в текстовом сообщении – возможно, я пересмотрю свое отношение к вам и перезвоню позже. Если вы занимаетесь продажами и хотите уговорить меня сменить компанию-провайдера, можете не продолжать. Телефонная компания и так должна мне деньги за год, не меньше. Все остальные – пожалуйста, оставьте сообщение. Имейте в виду, что мой любимый муж – полицейский. Он довольно вспыльчивый, и у него большой пистолет».

Портер улыбнулся. Он всегда улыбался, когда слышал ее голос.

– Привет, Кнопка! – сказал он после звукового сигнала. – Это я. Звонил Нэш. Рядом с Гайд-парком что-то случилось; еду туда, он меня ждет. Пока не знаю, когда вернусь; перезвоню попозже... – Помолчав, добавил: – Кстати, по-моему, у нас будильник сломался.

Он положил телефон в карман и толкнул дверь; промозглый чикагский воздух напомнил ему о том, что наступила осень.

Портер – день первый, 6.45

Портер поехал по Лейк-парк-авеню и добрался довольно быстро – без четверти семь уже был на месте. За несколько кварталов до места происшествия Портер увидел проблесковые маячки – сотрудники Чикагского полицейского управления полностью заблокировали перекресток Блэкстон-авеню и Пятьдесят пятой. Туда съехались не меньше двенадцати патрульных машин. Кроме того, он увидел скорую помощь и две пожарные машины. Насчитал не меньше двадцати своих коллег. Подоспели и представители прессы.

Приблизившись к месту преступления на своем «дожде-чарджере» последней модели, он притормозил, опустил стекло и показал свой жетон. Молодой сотрудник, совсем мальчишка, поднырнул под желтую заградительную ленту и подбежал к нему.

– Детектив Портер? Нэш приказал проводить вас. Паркуйтесь где хотите – мы оцепили весь квартал.

Портер кивнул, встал рядом с пожарной машиной и вылез.

– А Нэш где?

– Вон он, рядом со скорой помощью, – ответил парень, протянув Портеру стакан с кофе.

Он еще издали увидел Нэша, который беседовал с судмед-

экспертом Томом Эйсли. Эйсли прижимал к груди дощечку с зажимом, под которым Портер увидел толстенную кипу бумаги – не меньше пачки. В нынешнем мире планшетов и смартфонов Эйсли с его зажимом выглядел ужасно старомодным.

Заметив его, Нэш помахал рукой:

– Сэм, ты ведь знаешь Тома Эйсли из судмедэкспертизы?

– Да, мы знакомы лет двадцать уже, верно?

– Не меньше, – подтвердил Эйсли и, помявшись, спросил: – Как дела, Сэм? Как ты вообще?

– По-моему, ему осточертели вопросы типа: как жизнь, как дела, как он вообще и так далее, – буркнул Нэш.

– Нормально. Нормально. – Портер с трудом улыбнулся. – Спасибо, что спросил, Том.

– Если тебе что-нибудь понадобится, ты только дай знать. – Эйсли покосился на Нэша.

– Очень тебе благодарен. – Портер развернулся к Нэшу. – Итак, что тут случилось? Что за ДТП?

Нэш кивком указал на городской автобус, припаркованный у обочины шагах в пятидесяти от них:

– Человек против машины. Пошли...

Следом за ним Портер зашагал к автобусу. Эйсли со своей дощечкой не отставал.

Переднюю часть автобуса фотографировал сотрудник экспертно-криминалистической лаборатории. Портер увидел, что решетка радиатора смята. Заметил царапину чуть

выше правой фары. Еще один эксперт поднимал что-то из-под правого переднего колеса.

Подойдя ближе, Портер разглядел черный пластиковый мешок с трупом. Его окружали сотрудники в форме, не подпускавшие к месту происшествия растущую толпу.

– Автобус наверняка шел на большой скорости; до следующей остановки еще далеко, – заметил Нэш.

– Я не превышал скорости! Проверьте по навигатору! Нечего обвинять, если не знаете!

Портер повернулся налево и увидел водителя автобуса, здоровяка весом не меньше полутора центнеров. Черная форменная куртка туго обтягивала мощный торс. Жесткие седые волосы сбились налево, а справа торчали дыбом. Водитель смотрел на них испуганно, переводя взгляд с Портера на Нэша и Эйсли и обратно.

– Он псих, говорю вам! Сам прыгнул прямо под колеса! Никакой это не несчастный случай. Он покончил с собой!

Нэш поспешил его успокоить:

– Никто вас ни в чем не обвиняет!

У Эйсли зазвонил телефон. Он посмотрел на экран, поднял палец и отошел на несколько шагов, чтобы принять вызов.

Водитель им явно не поверил:

– Ну да... Небось напишете, что я нарушал скоростной режим, и тогда прощай работа, прощай пенсия... думаете, легко найти работу в моем возрасте, при нашей дерьмовой

экономике?

Портер посмотрел на нагрудную нашивку с фамилией.

– Мистер Нельсон, прошу вас, сделайте глубокий вдох и постарайтесь успокоиться.

По красному лицу водителя тек пот.

– Скоро мне придется мести улицы, а все потому, что этот крысеныш бросился под мой автобус. Тридцать один год отъездил без происшествий, и вот вам здрасте.

Портер положил руку ему на плечо:

– Пожалуйста, расскажите, что произошло.

– Ну уж нет! Пока не приехал представитель профсоюза, мне лучше держать язык за зубами, вот что!

– Я не смогу вам помочь, если вы будете молчать.

Водитель нахмурился:

– Чем это вы можете мне помочь?

– Ну, например, я могу замолвить за вас словечко перед Мэнни Полански из отдела общественного транспорта. Если вы, как утверждаете, ничего плохого не сделали, если готовы сотрудничать, никто не станет отстранять вас от работы.

– Ч-черт! Думаете, меня отстранят от работы? – Водитель вытер потный лоб. – На что жить-то тогда?

– Вряд ли вас отстранят, если узнают, что вы пошли нам навстречу, что пытались помочь. Возможно, даже суда не будет. – Портер старался его успокоить.

– Суда?!

– Пожалуйста, расскажите, как было дело. Обещаю, я за-

молвлю за вас словечко перед Мэнни и постараюсь избавить от неприятностей.

– Вы знакомы с Мэнни?

– Первые два года в полиции я служил в транспортном отделе. Ко мне Мэнни прислушается. Помогите нам, и я помогу вам, обещаю.

Водитель задумался, потом глубоко вздохнул и кивнул:

– Все было как я рассказал вашему приятелю, вон ему. Я прибыл на остановку на Корнелл точно по расписанию; один пассажир сошел, двое сели. Дальше мой маршрут идет по Пятьдесят пятой, я повернул... На перекрестке с Блэкстон как раз загорелся зеленый, так что не нужно было притормаживать – но газу я не прибавлял. Проверьте навигатор!

– Не сомневаюсь, что вы не прибавляли газу.

– Говорю вам, я не нарушал! Просто ехал со скоростью потока. Ну, может, чуть-чуть и превысил разрешенную скорость, но совсем ненамного и как все, – продолжал водитель.

Портер отмахнулся:

– Итак, вы ехали по Пятьдесят пятой...

Водитель кивнул:

– На светофоре стояли пешеходы, ждали, когда можно будет перейти дорогу. Их немного было – трое или, может, четверо. Ну вот, подъезжаю я, значит, а этот тип как выпрыгнет – и прямо впечатался в меня... Совершенно неожиданно. Только что стоял на тротуаре – и вот он уже на проезжей части. Я, конечно, дал по тормозам, но ведь автобус сразу не

останавливается! Сами знаете, какой у него тормозной путь. В общем, сшиб его насмерть. И еще протащил шагов тридцать.

– Какой тогда был свет на светофоре?

– Зеленый.

– Не желтый?

Водитель покачал головой:

– Нет, зеленый. Я знаю, потому что видел, как он переключился. До желтого еще секунд двадцать оставалось. Я уже из автобуса вылез, когда увидел, что он переключился. – Он показал на светофор. – Да вы камеру проверьте!

Портер поднял голову. За последние десять лет почти на каждом городском перекрестке установили камеры видеонаблюдения. Когда они приедут в управление, надо будет напомнить Нэшу, чтобы прокрутил запись, хотя Нэш, скорее всего, уже все сделал как надо.

– Тот тип вовсе не случайно попал под колеса – он нарочно прыгнул! Сами увидите, когда посмотрите запись!

Портер протянул водителю свою визитку:

– Пожалуйста, побудьте здесь еще какое-то время, просто на всякий случай. Вдруг у меня возникнут еще вопросы.

– Ладно. – Водитель пожал плечами. – Вы обещали поговорить с Мэнни, помните?

Портер кивнул:

– Извините, я сейчас. – Он отвел Нэша в сторону, понизил голос: – Здесь явно не преднамеренное убийство... И даже

если покойник действительно покончил с собой, нам здесь делать нечего. Зачем ты меня вызвал?

Нэш положил напарнику руку на плечо:

– Ты уверен, что в порядке? Если ты еще не готов работать, я...

– Я в порядке, – отрезал Портер. – Говори, в чем дело.

– Может, нам сначала побеседовать...

– Нэш, мать твою, я не ребенок. Выкладывай, в чем дело!

– Хорошо, – вздохнул Нэш. – Но если окажется, что тебе все-таки еще тяжело, пожалуйста, сразу скажи. Если откажешься, никто тебя не упрекнет...

– По-моему, работа сейчас пойдет мне на пользу. Я сижу в четырех стенах и постепенно схожу с ума, – сказал Портер.

– Ты молодец, Портер, – тихо продолжал Нэш. – По-моему, ты заслужил быть здесь.

– Нэш, хватит! Выкладывай, в чем дело!

Напарник улыбнулся во весь рот:

– Тот тип, что лежит в мешке, – пострадавший... в общем, он не просто переходил дорогу. Он шел вон к тому почтовому ящику. – Нэш показал на почтовый ящик у входа в парк на противоположной стороне улицы. – Он собирался отправить по почте белую коробку, перевязанную черной бечевкой.

Портер вытаращил глаза:

– Не может быть!

– А вот может.

Портер – день первый, 6.50

Портер поймал себя на том, что не сводит взгляда с черного пластикового «савана».

На какое-то время он буквально лишился дара речи.

Нэш попросил остальных сотрудников и экспертов ненадолго отойти и пропустить Портера к жертве. Все послушно зашли за ограждение; многие косились на него и перешептывались. Окружающие на какое-то время перестали для него существовать. Портер видел перед собой только черный пластиковый мешок с трупом и лежащий рядом небольшой пакет с табличкой «№ 1». Криминалисты наверняка уже успели сфотографировать пакет со всех сторон. Конечно, коробку не вскрывали; все понимали, что этого делать нельзя. Честь открыть коробку предоставили ему.

Сколько таких коробок он повидал на своем веку?

Дюжину? Нет, больше. Гораздо больше.

Портер стал считать в уме.

Семь жертв. По три коробки на каждую – итого двадцать одна коробка.

Двадцать одна коробка... почти за пять лет.

Преступник как будто забавлялся. Они ни разу не нашли ни одной зацепки. Только коробки – и их содержимое. Ни-

каких следов.

Призрак.

На памяти Портера их оперативная группа то увеличивалась, то уменьшалась. Одни сотрудники уходили, другие приходили. После каждой новой жертвы группу расширяли. Пресса узнавала о новой коробке, и репортеры налетали на управление, как стервятники. На преступника охотились буквально всем городом. Но рано или поздно приходила третья коробка, потом обнаруживали труп, а преступник снова пропадал. Таял во мраке неизвестности. Шло время; через несколько месяцев СМИ забывали о нем. Опергруппу сокращали; отдел занимался более насущными делами.

И только Портер вел дело с самого начала и никуда не уходил. Он приехал на место происшествия, где нашли самую первую коробку, и сразу понял, что имеет дело с серийным убийцей. Начальству пришлось с ним согласиться после того, как за первой коробкой нашли вторую, третью, а затем и труп.

Тогда началась серия ужасных, тщательно спланированных преступлений.

Началось зло.

Он видел начало. Неужели сейчас он стал свидетелем конца?

– Что в коробке?

– Мы ее еще не открывали, – ответил Нэш. – Но, по-моему, догадаться несложно...

Коробка была совсем небольшой – примерно десять на семь с половиной.

Такая же, как все предыдущие.

Коробка, завернутая в белую бумагу и перевязанная черной бечевкой. Адрес надписан от руки, аккуратным бисерным почерком. Никаких отпечатков, скорее всего, найти не удастся – их никогда не было. Марки самоклеющиеся – слюны тоже не найти.

Портер искоса посмотрел на черный мешок.

– Ты правда думаешь, что это он? Личность установили?

Нэш покачал головой:

– При нем не нашли ни бумажника, ни документов. Он впечатался лицом в решетку радиатора. Отпечатки пальцев, конечно, сняли, но в базе их нет. Он – никто.

– Так не бывает, – возразил Портер. – У тебя перчатки есть?

Нэш достал из кармана пару латексных перчаток и протянул Портеру. Натягивая их, Портер кивнул в сторону коробки:

– Ты не против?

– Специально тебя дожидался, – ответил Нэш. – Сэм, это твое дело. Ты вел его с самого начала.

Как только Портер нагнулся, чтобы взять коробку, к нему подбежал эксперт-криминалист, на ходу включая видеокамеру:

– Извините, сэр, но у меня приказ все документировать.

– Все в порядке, сынок. Но кроме тебя, сюда больше никому нельзя. Ну как, можно?

На камере замигал красный огонек, и эксперт кивнул:

– Давайте, сэр!

Портер повернул коробку к камере, чтобы в объектив попал адрес; он старался не задеть алые капли.

– «Артуру Толботу. Дирборн-Паркуэй, 1547».

Нэш присвистнул:

– Богатенький район. Там живет местная аристократия. Правда, эта фамилия мне неизвестна.

– Толбот – инвестиционный банкир, – вмешался эксперт. – И недвижимостью он тоже занимается. Последнее время перестраивает промзону на берегу озера, там будут модные лофты. В общем, он хочет вытеснить из того района жильцов с низкими доходами и заменить их людьми, которые могут себе позволить высокую арендную плату и кофе в «Старбаксе» каждый день.

Портер бросил на эксперта внимательный взгляд:

– Как тебя зовут, сынок?

– Пол Уотсон, сэр.

Портер невольно улыбнулся:

– Когда-нибудь, доктор Уотсон, из вас выйдет прекрасный детектив!

– Я не доктор, сэр. Правда, сейчас пишу диссертацию, но мне работать еще года два.

Портер усмехнулся:

– Неужели сейчас никто ничего не читает?

– Сэм, коробка!

– Ну да, верно. Коробка.

Он дернул бечевку. Узел развязался без труда. Белая бумага была аккуратно подвернута по углам, сложена идеальными треугольничками.

«Как подарок. Он завернул ее, как человек, который готовит кому-то подарок».

Под бумагой они увидели черную коробку. Портер отложил бумагу и бечевку в сторону, покосился на Нэша и Уотсона и медленно поднял крышку.

Ухо было отмыто от крови и лежало на слое ваты.

«Как все предыдущие».

Портер – день первый, 7.05

– Я должен осмотреть труп.

Нэш встревоженно покосился на растущую толпу.

– Ты уверен, что хочешь осматривать его прямо сейчас?

Здесь столько посторонних глаз...

– Давай раскинем палатку.

Нэш подал знак одному из сотрудников.

Через пятнадцать минут, к большому неудовольствию водителей, намертво застрявших в пробке, на Пятьдесят пятой улице установили большую палатку, перегородив два из трех окрестных переулков. Нэш и Портер откинули полог; следом за ними вошли Эйсли и Уотсон. У входа встал полицейский в форме – на тот случай, если кто-то все-таки прорвется через заграждение и попытается заглянуть внутрь.

Вокруг тела расставили шесть 1200-ваттных галогенных прожекторов на желтых металлических треножниках; они заливали замкнутое пространство резким, ярким светом.

Эйсли расстегнул мешок.

Портер опустился на колени.

– Его двигали?

Эйсли покачал головой:

– Как только его сфотографировали, я сразу же велел упа-

ковать. Его позу не меняли.

Труп лежал ничком. В коротко стриженных темных волосах мелькала седина. Рядом с головой на асфальте растеклась лужа крови; одна струйка устремилась к углу палатки.

Портер надел еще одну пару латексных перчаток и осторожно приподнял голову покойника. Она отделилась от холодного асфальта, негромко чвакнув, – он невольно вспомнил фруктовый мармелад в рулончиках, который вот так же отлепляется от обертки. Внутри у него все сжалось, и он невольно порадовался, что не успел позавтракать.

– Помогите мне его перевернуть!

Эйсли взял труп за плечо, а Нэш за ноги.

– На счет «три». Раз, два...

Трупное окоченение еще не наступило; тело было мягким, податливым. Правая нога была сломана в трех местах, не меньше; левая рука тоже переломана.

– Жуть какая... – Нэш не сводил глаз с лица жертвы. Точнее, с того места, где положено находиться лицу. Щек не было; остались лишь рваные лоскуты. Нижняя часть лица сохранилась, но была разбита – рот зиял, как будто кто-то с силой развел в стороны его челюсти, словно капкан на медведя. Один глаз вытек; из глазницы сочилась белесоватая жидкость. Второй глаз, ярко-зеленый, невидяще смотрел на них.

Портер склонился ниже:

– Как по-твоему, удастся воссоздать его лицо?

Эйсли кивнул:

– Поручу кому-нибудь, как только мы доставим его в лабораторию.

– Пока трудно что-либо утверждать, но, судя по телосложению и легкой седине, я дал бы ему лет сорок – плюс-минус...

– Дай мне немного времени, и я постараюсь определить возраст точнее, – сказал Эйсли, посветив в глаз трупа миниатюрным фонариком. – Роговица не повреждена.

Портер знал, что сейчас можно определить возраст методом радиоуглеродного датирования глазного материала, который называется «методом Линнерупа». С его помощью удастся сузить возрастные рамки до года-двух.

На покойнике был темно-синий костюм в полоску. Правый рукав превратился в лохмотья; в области локтя материю протыкала кость.

– Кто-нибудь нашел вторую туфлю? – Недоставало левой. Черный носок пропитался кровью.

– Патрульный подобрал. Туфля вон на том столе. – Нэш показал в дальний правый угол. – Кроме того, на нем была мягкая фетровая шляпа.

– Фетровая шляпа?! Они что, снова вошли в моду?

– Только в кино, – ответил Нэш.

– У него в кармане что-то есть. – Уотсон показывал на правый нагрудный карман пиджака. – Квадратное. Еще одна коробка?

– Нет, для коробки мелковато. – Портер осторожно рас-

стегнул пиджак и извлек из внутреннего нагрудного кармана малоформатную тетрадь для упражнений – в таких тетрадях писали школьники и студенты до эпохи планшетов и смартфонов. Небольшая, похожая на блокнот, с черно-белой обложкой и разлинованными страницами. Тетрадка была почти полностью исписана; страницы покрыты таким мелким, бисерным почерком, что две строчки текста занимали место, обычно предназначенное для одной. – Возможно, это очень ценная улика... Похоже на дневник. Молодец, док!

– Я не...

– Ну да, ну да, – отмахнулся Портер и повернулся к Нэш: – Ты вроде говорил, что смотрел у него в карманах?

– Мы обыскали только брюки – думали найти бумажник или права. А с полным обыском я хотел повременить до тебя.

– Тогда давай проверим остальное.

Он двигался против часовой стрелки, начав с правого переднего брючного кармана, – на всякий случай, вдруг его предшественники что-то упустили. Почти все карманы оказались пустыми; однако кое-что Портер нашел. Он осторожно выложил трофеи сбоку от себя. Нэш пометил их, а Уотсон сфотографировал.

– Вот и все. Для начала совсем немного.

Портер осмотрел находки.

Квитанция из химчистки.

Карманные часы.

Семьдесят пять центов разными монетами.

Квитанция оказалась самой обыкновенной, вырванной из квитанционной книжки. Если не считать номера 54873, на ней не было никаких сведений, помогающих установить личность владельца. Ни названия, ни даже адреса химчистки они не увидели.

– Проверьте все на отпечатки, – распорядился Портер.

– Чего ради? – нахмурился Нэш. – У нас есть труп, но его отпечатков нигде нет.

– А может, я надеюсь на удачу. Может, мы все-таки найдем соответствие, и оно приведет к кому-то, кто сумеет его опознать. Что можешь сказать насчет часов?

Нэш поднес часы к свету:

– Не знаю, кто в наше время носит карманные часы. Может, этот тип все-таки старше, чем ты предположил?

– Судя по мягкой фетровой шляпе, все возможно.

– Или он просто любитель винтажной одежды, – вмешался Уотсон. – Многие мои знакомые любят винтаж.

Нэш нажал рычажок, и крышка часов откинулась со щелчком.

– Хм!

– Что?

– Они остановились в 15.14, то есть гораздо раньше, чем он попал под автобус.

– Может, стрелки сдвинулись от удара? – сказал Портер.

– На циферблате ни царапины; вообще нет следов повреждений.

– Вероятно, что-нибудь внутри сломалось. Дай-ка взглянуть.

Нэш протянул Портеру карманные часы.

– Поразительное искусство. По-моему, они ручной работы. Наверняка коллекционные.

– У меня есть дядя... – снова вмешался Уотсон.

– С чем я тебя и поздравляю, сынок, – усмехнулся Портер.

– У него магазин антиквариата в центре. Наверное, он сумеет больше рассказать об этих часах.

– Ты сегодня явно напрашиваешься на медаль! Ладно, значит, тебе поручаю отработать версию с часами. Как только передадим все вещдоки на хранение, вези часы к дяде, и посмотрим, что тебе удастся выяснить!

Уотсон расплылся в улыбке и кивнул.

– Кто-нибудь увидел странность в его одежде?

Нэш еще раз осмотрел тело и покачал головой.

– Туфли красивые, – заметил Эйсли.

– Еще бы не красивые! – улыбнулся Портер. – Фирмы «Джон Лоббс». Такие идут тысячи по полторы за пару. А костюмчик на нем дешевый, скорее всего, купленный в торговом центре или большом магазине готового платья. В лучшем случае он стоит не дороже нескольких сотен.

– Ты это к чему? – спросил Нэш. – Он работает в обувном магазине?

– Сам не знаю. Не хочу торопиться с выводами... Просто странно, что человек готов столько просаживать на обувь, а

ВОТ НА КОСТЮМЕ ЯВНО СЭКОНОМИЛ.

— А может, он действительно работает в обувном магазине и может покупать хорошие туфли со скидкой? А что, вполне правдоподобно, — сказал Уотсон.

— Рад, что ты с ним соглашаешься. И все же придется отобрать у тебя медаль — за глупость.

— Простите.

— Не волнуйся, док, я шучу. Я бы подколот Нэша, но он уже привык к моим фортелям на начальном этапе следствия. А вот тут ничего смешного нет. — Внимание Портера снова привлекла тетрадка. — Дай, пожалуйста, сюда.

Уотсон передал ему тетрадку, открыв ее на первой странице. Портер начал читать и прищурился:

«Здравствуй, друг мой!

Я вор, убийца, похититель. Я убиваю забавы ради, я убиваю из необходимости, я убиваю из ненависти, я убиваю просто для того, чтобы насытить потребность, которая с течением времени все больше разрастается во мне. Такая потребность очень похожа на голод; ее можно утихомирить только потоком крови или криками, которые издают под пыткой.

Я пишу так вовсе не для того, чтобы напугать тебя или произвести на тебя впечатление. Просто я собираюсь перечислить факты, выложить карты на стол.

Коэффициент моего умственного развития равен 156, по всем параметрам уровень гения.

Один мудрец когда-то сказал: «Измерять уровень своего интеллекта, пытаться наклеить ярлык на свой разум – явный признак невежества». Я не просил проверять мои умственные способности; тест мне навязали – делай из этого любые выводы.

Ничто из вышеперечисленного не дает понять, кто я такой, только какой я. Вот почему я решил перенести свои воспоминания на бумагу, поделиться всем, чем считаю нужным. Невозможно расти и развиваться, не делаясь знаниями. Ты (как и общество) не выучишься на собственных многочисленных ошибках. А учиться тебе предстоит еще многому, многое предстоит узнать.

Кто я такой?

Если я назову свое имя, пропадет все удовольствие. Ты со мной не согласен?

Скорее всего, ты называешь меня Обезьяньим убийцей, ты догадался, что речь идет о четырех обезьянах. Давай этим и ограничимся, хорошо? Может быть, тем из вас, кто любит все сокращать, понравится аббревиатура У4О? Современно, модно, стильно и просто – проще некуда. Не придется никого исключать.

Предвкушаю, как нам с тобой будет весело!»

– Чтоб тебя... – буркнул Портер.

5

ДНЕВНИК

Позвольте внести ясность с самого начала.

В случившемся нет вины моих родителей.

Я вырос в любящей семье, которую охотно запечатлел бы на своих полотнах Норман Роквелл.

После моего рождения мама, благослови Господь ее душу, ушла с работы в издательстве, несмотря на хорошие перспективы. Судя по всему, по работе она не тосковала. Каждое утро она готовила завтрак для нас с отцом; ровно в шесть мы садились ужинать. Мы любили проводить время вместе, всей семьей, и часто нам бывало очень весело.

Мама рассказывала, чем занималась целый день, а мы с отцом внимательно ее слушали. Звуки ее голоса напоминали ангельское пение; я по сей день мечтаю снова его услышать.

Отец работал в сфере финансов. Не сомневаюсь, что коллеги высоко его ценили, хотя дома он о работе не говорил. Он придерживался того мнения, что повседневные служебные дела нужно оставлять на работе, их не следует приносить домой, в святая святых, и выливать домашним, как помои свиньям. Работу он оставлял на работе, там, где ей и место.

Отец носил с собой блестящий черный портфель, но я

ни разу не видел, чтобы он открывал свой портфель дома. Каждый вечер он ставил его у входной двери, где он и оставался до следующего утра, когда отец уезжал на службу. Он брал портфель, когда выходил из дому, нежно поцеловав маму и потрепав меня по голове.

– Сынок, береги маму! – говорил он обычно. – До тех пор, пока я не вернусь, ты – главный мужчина в доме. Если придет сборщик оплаты счетов, отправь его к соседям. Не обращай на него внимания. Он не имеет никакого значения. Лучше узнай это сейчас, чем беспокоиться о чем-то подобном, когда у тебя будет своя семья.

Надев на голову мягкую фетровую шляпу и взяв портфель, он выходил за дверь, улыбнувшись и помахав нам рукой. Я подходил к большому панорамному окну и смотрел, как он идет по дорожке (зимой приходилось смотреть под ноги, чтобы не поскользнуться на льду) и садится в маленький черный автомобиль с откидным верхом. У отца был «порше» 1969 года выпуска – замечательная машина, настоящее произведение искусства! После того как отец поворачивал ключ в замке зажигания, мотор оживал и начинал глухо ворчать; ворчание усиливалось, когда машина выезжала на дорогу и отец увеличивал скорость. «Порше» радовался возможности быстро глотать мили.

Ах, как отец любил свою машину!

Каждое воскресенье мы выносили из гаража большое синее ведро и кучу тряпок и мыли ее сверху донизу. Отец, бы-

вало, часами чистил мягкий черный верх и натирал металлические изгибы воском – не один, а два раза. Мне поручали очищать от грязи спицы колес, и я очень ответственно относился к своей задаче. Когда мы заканчивали, машина блестела, как будто ее только что выкатили с витрины в автосалоне. Потом отец опускал верх и вез нас с мамой на воскресную прогулку. Хотя в «порше» было всего два места, я был мелким для своего возраста и умещался сзади, за сиденьями. Мы, бывало, останавливались в местной молочной, покупали мороженое и газировку, а потом отправлялись в парк, где гуляли среди больших дубов и травянистых лужаек.

Я играл с другими детьми, а мама и отец наблюдали за мной. Они сидели в тени старого дерева, держась за руки. Глаза у них светились любовью. Они шутили и смеялись, и я слышал их голоса, гоняясь за мячом или «летающей тарелкой».

–Посмотрите на меня! Посмотрите на меня! – кричал я. И они смотрели. Они смотрели на меня так, как и должны смотреть на любимого сына родители. Они следили за мной с гордостью. Их сын, их радость. Вспоминаю себя в нежном возрасте – мне было восемь. Я смотрел на них, как они сидят под деревом и улыбаются. Я смотрел и представлял, как их шеи разрезаны от уха до уха: из ран хлещет кровь и стекает на траву под ними. И я смеялся – смеялся до дрожи, до боли в сердце.

Конечно, это было много лет назад, но именно тогда все началось.

Портер – день первый, 7.31

Портер остановил «додж-чарджер» перед домом 1547 по Дирборн-Паркуэй и посмотрел на большой каменный особняк. Нэш, сидевший рядом, поднял телефон:

– Начальник звонил. Вызывает нас к себе. Требуется, чтобы мы сейчас же к нему заехали.

– Заедем... попозже.

– Он настаивал.

– Обезьяний убийца собирался отправить коробку сюда. Часы тикают. У нас нет времени на то, чтобы сейчас возвращаться в управление, – возразил Портер. – Мы ненадолго. Тут главное – не отставать.

– Обезьяний убийца? Ты в самом деле собираешься называть его, как он предложил? Хотя, конечно, подходит...

– Обезьяний убийца, «Четыре обезьяны», У4О... Мне все равно, как называть психа.

Нэш смотрел в окошко:

– Неплохой домик. Неужели здесь живет всего одна семья?

Портер кивнул:

– Артур Толбот, его жена, дочь-подросток от первого брака, наверное, есть еще одна или две маленькие тявкающие

собачонки и служанка... или пять служанок.

– Я справлялся в дежурной части; Толбот нам не звонил, не говорил, что кто-то из его близких пропал без вести, – сказал Нэш.

Они вышли из машины и начали подниматься по каменным ступенькам.

– Как будем разговаривать?

– Быстро, – ответил Портер, нажимая кнопку звонка.

Нэш понизил голос:

– Жена или дочь?

– Что?

– Ухо. Как по-твоему, чье оно – жены или дочери?

Портер собирался ответить, когда дверь приоткрыли – чуть-чуть, не сняв цепочки. Невысокая латиноамериканка смотрела на них холодными карими глазами.

– Чем вам помочь?

– Мистер или миссис Толбот дома?

– Момент... – Она перевела взгляд с Портера на Нэша и захлопнула дверь.

– Лично я за дочь, – сказал Нэш.

Портер посмотрел в свой телефон:

– Ее зовут Карнеги.

– Карнеги?! Ты что, издеваешься?

– Никогда мне не понять богачей, – ответил Портер.

Дверь снова открылась, на пороге стояла блондинка лет сорока с небольшим. На ней был бежевый свитер и черные

мягкие брюки в обтяжку. Волосы собраны в конский хвост. «Симпатичная», – подумал Портер.

– Миссис Толбот?

Блондинка вежливо улыбнулась:

– Да. Чем обязана?

Латиноамериканка вернулась в прихожую и издали наблюдала за происходящим.

– Я детектив Портер, а это детектив Нэш. Мы из Чикагского полицейского управления. Где мы могли бы поговорить?

Улыбка исчезла.

– Что она натворила?

– Простите, кто «она»?

– Маленькая засранка, дочь моего мужа. Хочется хоть одни выходные прожить спокойно, чтобы ее не ловили на воровстве из магазинов, угоне машин или распитии спиртных напитков в парке с такими же, как она, малолетними шлюшками. Пора мне бесплатно поить кофе всех стражей порядка, которые заезжают ко мне по утрам в воскресенье, ведь половина вашего управления уже побывала у нас дома... – Она распахнула дверь, и они увидели просторный холл. – Заходите!

Портер быстро кивнул Нэшу. Они вошли.

В центре высокого сводчатого потолка сверкала хрустальная люстра. Портер поймал себя на мысли, что ему хочется разуться, чтобы не пачкать белый полированный мрамор.

Миссис Толбот повернулась к горничной:

– Миранда, будьте умницей и принесите нам чаю с бубликами – или, может быть, вы хотите пончиков? – При последних словах уголки ее губ дернулись в намеке на улыбку.

«Ах, этот юмор богачей!» – подумал Портер.

– Спасибо, мэм, ничего не надо.

Богатые белые женщины терпеть не могут, когда к ним так обращаются...

– Пожалуйста, называйте меня Патриша.

Следом за хозяйкой они повернули налево и очутились в большой библиотеке. Начищенные деревянные полы блестели в утреннем свете, на полу плясали солнечные зайчики, отражающиеся от хрустальной люстры над большим каменным камином. Хозяйка жестом указала на диван посреди комнаты. Портер и Нэш сели. Сама она устроилась в удобном с виду мягком кресле напротив, ноги закинула на оттоманку и потянулась к чайной чашке, стоящей на столике. Рядом с чашкой лежал нераскрытый выпуск «Чикаго трибюн».

– Только на прошлой неделе у нее была передозировка какой-то дряни, и пришлось среди ночи забирать ее из неотложки в центре города. Заботливые подружки выкинули ее там после того, как она отключилась в каком-то клубе. Оставили на лавке перед больницей. Представляете? Арти уезжал по делам, а мне пришлось с ней возиться. Надо было успеть привезти ее домой, пока муж не вернулся, чтобы не расстраивать его. Вот и приходится душе-мачехе прибирать грязь и делать вид, будто ничего не произошло.

Горничная внесла большой серебряный поднос и поставила его на стол рядом с гостями. Разлила чай по чашкам; одну протянула Нэшу, а вторую – Портеру. Кроме того, на подносе стояли две тарелки. На одной лежал поджаренный простой бублик, на другой – пончик с шоколадной начинкой.

– Я сторонник стереотипов, – заметил Нэш и потянулся к пончику.

– В этом нет необходимости, – сказал ей Портер.

– Ерунда; приятного аппетита, – ответила Патриша.

– Миссис Толбот, где сейчас ваш муж?

– Уехал рано утром в Уитон играть в гольф.

Нэш наклонился вперед:

– Уитон примерно в часе езды отсюда.

Портер отпил глоток чая и поставил чашку на поднос.

– А ваша дочь?

– Падчерица.

– Падчерица, – повторил Портер.

Миссис Толбот нахмурилась:

– Может, сами расскажете, во что она вляпалась на этот раз? А уж я тогда решу, можно ли вам допрашивать ее или лучше позвонить кому-нибудь из ее адвокатов.

– Так она дома?

Миссис Толбот округлила глаза. Бросила в чашку два кубика сахара, помешала, отпила. Обхватила пальцами горячую чашку.

– Она крепко спит в своей комнате. Была там всю ночь.

Несколько часов назад я сама заходила к ней и проверяла, на месте ли она.

Портер и Нэш переглянулись.

– Можно нам ее увидеть?

– Что она натворила?

– Миссис Толбот, мы расследуем тяжкое преступление. Если ваша... падчерица дома, беспокоиться не о чем. Мы сразу уйдем. Если ее нет... – Портер не хотел без необходимости пугать ее, – если ее нет, возможно, у нас появится повод для беспокойства.

– Прикрывать ее не нужно, – подхватил Нэш. – Нам необходимо убедиться, что она жива и здорова.

Патриша повертела чашку в руках.

– Миранда, пожалуйста, приведите Карнеги.

Горничная открыла рот, собираясь что-то сказать, но потом, видимо, передумала. Портер смотрел ей вслед. Миранда вышла из библиотеки и поднялась по винтовой лестнице на второй этаж.

Нэш толкнул его локтем, и он обернулся. Портер проследил за его взглядом и увидел на каминной полочке фотографию в рамке. Девочка-блондинка, одетая в костюм для верховой езды, позировала рядом с гнедой лошадью. Портер встал и подошел к фотографии.

– Это и есть ваша падчерица?

Миссис Толбот кивнула:

– Четыре года назад. За месяц до того, как ее снимали, ей

исполнилось двенадцать лет. Она тогда заняла первое место.

Портер не отрываясь смотрел на волосы девочки. До сих пор Обезьяний убийца похитил только одну блондинку; все остальные его жертвы были брюнетками.

– Патриша, в чем дело?

Они обернулись.

На пороге стояла девочка-подросток в футболке с изображением «Мотли Кру», в белом халате и тапочках. Светлые волосы были растрепанны.

– Пожалуйста, не называй меня Патришей, – отрезала миссис Толбот.

– Извини... мама!

– Карнеги, эти джентльмены из Чикагского полицейского управления.

Девочка побледнела.

– Патриша, зачем здесь полицейские?

Портер и Нэш смотрели на нее во все глаза. Оба уха у Карнеги были на месте. Там, где им и положено быть.

Портер – день первый, 7.48

Заморосил дождь. Каменные ступеньки были мокрыми и скользкими; Портер и Нэш выбежали из особняка Толботов и поспешили к стоящей у обочины машине. Оба запрыгнули внутрь и захлопнули дверцы, глядя на надвигающуюся грозу.

– Только грозы нам сегодня и не хватало, – вздохнул Портер. – Если дождь усилится, Толбот отменит партию в гольф, и мы его потеряем.

– У нас проблема посерьезнее. – Нэш что-то набирал на своем айфоне.

– Опять капитан Долтон?

– Нет, хуже. Кто-то уже твитнул.

– Что сделал?!

– Твитнул.

– Что такое за «твитнул»?

Нэш протянул ему телефон.

Портер прочел надпись мелким шрифтом:

«@У4О – Обезьяний убийца?»

Под коротким текстом шел снимок утреннего покойника, лежащего ничком на асфальте. В углу снимка виднелся капот автобуса.

– Кто разрешил публиковать снимок? – нахмурился Портер.

– Сэм, ты безнадежно отстал от времени. Никто ничего не разрешал. Никто ничего не просил. Кто-то снял произошедшее на камеру телефона и выложил на всеобщее обозрение, – вздохнул Нэш. – Так устроен «Твиттер».

– На всеобщее обозрение?! То есть... сколько народу это увидело?

Нэш уже снова что-то набирал.

– Снимок запостили двадцать минут назад, и его лайкнули три тысячи двести двенадцать раз. Ретвитнули больше пяти-сот раз.

– Лайкнули? Ретвитнули? Нэш, что за белиберда? Говори по-английски!

– Портер, это значит, что фото разошлось по Сети, как вирус. Весь мир в курсе, что он погиб.

Зазвонил телефон Нэша.

– А вот и капитан. Что ему сказать?

Портер завел мотор, включил передачу и покатыл по Дирборн-Паркуэй в сторону шоссе.

– Передай, что мы отрабатываем версию.

– Какую версию?

– Толботов.

Нэш бросил на него озадаченный взгляд:

– Но Толботы ни при чем, они все дома.

– Речь не о тех Толботах. Мы должны побеседовать с Ар-

туром. Готов поспорить, что жена и дочь – не единственные женщины в его жизни, – объяснил Портер.

Нэш кивнул и ответил на вызов. Из крошечного динамика доносились крики капитана. Через минуту, несколько раз повторив: «Да, сэр», Нэш прикрыл трубку рукой:

– Он хочет с тобой поговорить.

– Передай, что я за рулем. Разговаривать по телефону во время езды небезопасно. – Портер резко выкрутил руль влево, объезжая минивэн, который еле полз по сравнению с их ста сорока километрами в час.

– Да, капитан, – сказал Нэш. – Включаю громкую связь. Погодите...

После того как Нэш подключил айфон к аудиосистеме машины, голос капитана из металлического и еле слышного стал громким и звучным:

– ...в управление через десять минут, чтобы мы собрали опергруппу и были на шаг впереди. Репортеры буквально раздирают меня на части!

– Капитан, говорит Портер. Вы знаете, как все было, с точностью до минуты – как и я. Утром он собирался послать уху по почте. Значит, он похитил очередную жертву день или два назад. Хорошо то, что он никогда не убивает их сразу, так что она, скорее всего, еще жива... и он ее где-то прячет. Мы не знаем, сколько времени у нее осталось. Если он вышел ненадолго, только для того, чтобы отправить посылку, скорее всего, он не оставил ей ни еды, ни воды; он ведь рас-

считывал быстро вернуться. Средний человек может продержаться без воды три дня, а без еды – три недели. Капитан, времени у нее мало. В лучшем случае у нас три дня на то, чтобы найти ее, а может, и меньше.

– Поэтому я и приказываю вам приехать, – отрезал капитан.

– Сначала нам нужно проверить свои предположения. Пока не выясним, кого он похитил, мы работаем вхолостую. Если вам что-то понадобится... дайте мне час, и, может быть, я назову журналистам имя. Вы покажете им фото пропавшей девушки, и они успокоятся, – сказал Портер.

Капитан ненадолго замолчал, а потом вздохнул:

– Час. Не больше!

– Больше нам и не нужно.

– Обращайтесь с Толботом осторожно; он близкий приятель мэра, – предупредил капитан.

– Понял вас, будем очень осторожны.

– И перезвоните после того, как поговорите с ним. – Капитан нажал отбой.

Они въехали на автомагистраль. Нэш набрал на навигаторе Уитон.

– Еще сорок пять километров.

Портер вдавил педаль газа в пол; они понеслись еще быстрее.

Нэш включил радио.

– «...хотя Чикагское полицейское управление еще не объ-

явило ни о чем официально, ходят слухи, что пешеход, сбитый сегодня рано утром городским автобусом в районе Гайд-парка, не кто иной, как Обезьяний убийца, или Убийца четырех обезьян. Коробка, сфотографированная на месте происшествия, идентична тем, которые убийца рассылал в прошлом. «Обезьяньим» убийцу прозвал Сэмьюел Портер, детектив Чикагского полицейского управления, один из первых, кто заметил в его действиях шаблон, кто, так сказать, разобрал почерк убийцы...»

– Это неправда; такое прозвище придумал не я.

– Ш-ш-ш! – зашипел Нэш.

– «Прозвище обязано своим происхождением резному панно над дверьми знаменитого синтоистского святилища Тосёгу в японском городе Никко. На панно изображены три мудрые обезьяны. Первая закрывает уши, вторая – глаза, третья – рот. Они олицетворяют принципы «не видеть зла, не слушать зла, не говорить зла». Иногда в композицию добавляется четвертая обезьяна, которая олицетворяет принцип «не совершать дурного». Шаблон убийцы остается неизменным с самого начала. Первая жертва, Калли Тремел, была похищена почти пять лет назад. Через два дня после похищения он переслал по почте ее родственникам ухо. Через два дня после уха они получили глаза. Еще через два дня – язык. Ее труп нашли в Бедфорд-парке еще через два дня после даты на почтовом штампе последней посылки; в ее руке была зажата записка со словами: «Не совершать зла».

Позже обнаружилось, что Майкл Тремел, отец жертвы, занимался подпольным игорным бизнесом и переводил миллионы долларов на офшорные счета...»

Нэш выключил радио.

– Он всегда похищает дочерей, чтобы наказать отцов за какое-то преступление. Что изменилось сейчас? Почему он не тронул Карнеги?

– Не знаю.

– Надо будет поручить кому-нибудь заняться финансами Толбота, – предложил Нэш.

– Неплохая мысль. Кто у нас есть?

– Может, позвать Мэтта Хозмана из отдела особо тяжких преступлений?

Портер кивнул.

– Звони! – Он достал из нагрудного кармана дневник, бросил его на колени Нэша. – А потом читай вслух.

8

ДНЕВНИК

Мама и отец подружались с нашими соседями, Саймоном и Лайзой Картер. Мне было всего одиннадцать, когда они поселились в нашем чудесном квартале, поэтому, на основании своего ограниченного опыта, я считал их всех старыми. Хотя сейчас, с высоты своего положения, я понимаю, что маме и отцу было тогда лет тридцать пять – тридцать семь, а Картеры были немного моложе, на год или два... в крайнем случае на три или даже на четыре, но вряд ли больше чем на пять лет. Они поселились по соседству; в конце переулка, где мы жили, было всего два дома.

Я уже упоминал о том, как невероятно красива была моя мама?

Как грубо с моей стороны упускать такую подробность! Болтать о мелочах и пренебречь картиной, прекрасно иллюстрирующей рассказ, который вы столь любезно согласились прочесть вместе со мной.

Если бы вы могли проникнуть в мою тетрадку и илленуть меня за глупость, я бы только обрадовался. Иногда я слишком много болтаю, и необходим толчок, чтобы вернуть небольшой поезд моего повествования обратно на рельсы.

Так на чем я остановился?

Ах да, мама.

Мама была настоящей красавицей.

Волосы у нее были как шелк. Светлые, густые, переливающиеся здоровым блеском. Они доходили ей до талии, спадая роскошными волнами. А глаза... О, какие у нее были глаза! Ярчайшего зеленого цвета, они казались изумрудами на фоне идеальной фарфоровой кожи.

Мне не стыдно признаться, что и фигура у нее была идеальной – многие оборачивались ей вслед. Она ежедневно бегала, и осмелюсь предположить, что у нее не было ни грамма лишнего жира. Весила она килограммов пятьдесят, а то и меньше, а ростом доходила отцу до плеча – метр шестьдесят четыре или около того.

Она питала слабость к сарафанам, к открытым платьям без рукавов.

Мама носила такие платья не только в жару, но и в середине зимы. Она не обращала внимания на холод. Помню, однажды зимой, когда снег доходил почти до подоконника, я увидел, что она радостно мурлычет себе под нос на кухне и на ней короткий белый сарафан в цветочек. За кухонным столом сидела радостная миссис Картер с дымящейся чашкой в руках, а мама рассказывала ей, что носит такие платья, потому что они подчеркивают ее ноги. Она считала ноги лучшим, чем она обладает. Потом она призналась, что отец очень любит ее ноги. Стала рассказывать, как он

ласкает их. Как любит, когда ее ноги лежат у него на плечах или обхватывают...

Тут мама заметила меня, и я вышел.

Портер – день первый, 8.23

Чикагский гольф-клуб – старейшее поле для гольфа в Северной Америке, построенное в 1892 году на берегу озера Блафф. Считается, что там играют в гольф сливки общества.

Портер почти не разбирался в гольфе. Ему претила сама мысль о том, чтобы бить по маленькому белому мячику, а потом часами искать его. Хотя он понимал, что гольф требует известного напряжения сил и стимулирует, он не считал его настоящим видом спорта. Вот бейсбол – дело другое. И футбол – дело другое. А то, во что можно играть в восемьдесят лет, хоть в брючках пастельных тонов и в кислородной маске, он спортом не считал и считать не собирался.

Зато ресторан при клубе ему очень понравился. Два года назад они с Хизер ездили туда на юбилей их свадьбы. Тогда Портер заказал самый дорогой стейк, какой мог себе позволить по своей «Визе». Хизер предпочла лобстера и потом еще долго о нем вспоминала. С зарплаты полицейского особенно не разгуляешься, но все, что доставляло ей радость, стоило затраченных усилий.

Он остановился у внушительного здания клуба и передал ключи парковщику:

– Поставьте поближе. Мы ненадолго.

Они уехали от грозы. Хотя небо и здесь посерело, черные грозовые тучи остались позади, зависли над городом.

Портер и Нэш вошли в просторный, со вкусом обставленный вестибюль. В дальнем углу у камина, откуда открывался вид на роскошное поле, сидели несколько членов клуба. Их голоса гулким эхом отдавались от мраморного пола и панелей красного дерева.

Нэш тихо присвистнул.

– Если увижу, как ты здесь попрошайничаешь, отправлю тебя ждать в машине, – предупредил Портер.

– С самого утра жалею о том, что не оделся понаряднее, – вздохнул Нэш. – Здесь, Сэм, совсем другой мир, чем тот, в котором мы загоняем мячи в лунки.

– Играешь в гольф?

– Последний раз, когда держал в руках клюшку, я не прошел дальше первого препятствия. А здесь, сразу видно, играют большие мальчики. Мне на такую игру терпения не хватит, – признался Нэш.

За стойкой администратора сидела молодая красивая блондинка. При их приближении она оторвалась от ноутбука и улыбнулась:

– Здравствуйте, джентльмены. Добро пожаловать в Чикагский гольф-клуб. Чем я могу вам помочь?

Блондинка ослепительно улыбалась, но Портер понимал, что она их оценивает. Вряд ли она не спросила, назначена ли у них встреча, по оплошности. Он достал свой жетон:

– Мы ищем Артура Толбота. Его жена сказала, что сегодня он здесь играет.

Улыбка увяла; блондинка перевела взгляд с жетона на Портера, потом покосилась на Нэша. Взяла трубку, лежащую на столе, и набрала внутренний номер, что-то тихо сказала и нажала отбой.

– Подождите, пожалуйста. Сейчас к вам выйдут. – Она жестом указала на диван в дальнем углу.

– Спасибо, мы постоим, – ответил Портер.

Блондинка снова улыбнулась и опустила голову к своему компьютеру; тонкие наманикюренные пальцы запорхали по клавиатуре.

Портер посмотрел на часы. Почти девять.

Вскоре из двери слева вышел мужчина за шестьдесят. Его волосы были гладко зачесаны назад, темно-синий костюм от Канали идеально выглажен. Приблизившись, он протянул руку Портеру:

– Детектив... Мне сказали, что вы приехали повидаться с мистером Толботом? – Пожатие у него оказалось вялым; отец Портера сказал бы – «как у дохлой рыбы». – Я Дуглас Прескотт, старший управляющий.

Портер показал ему жетон:

– Мы из Чикагского полицейского управления. Я детектив Портер, а это детектив Нэш. У нас крайне срочное дело к мистеру Толботу. Где нам можно его найти?

Блондинка украдкой поглядывала на них. Когда Прескотт

покосился на нее, она снова уткнулась в свой ноутбук. Прескотт перевел взгляд на Портера.

– Насколько мне известно, мистер Толбот и его спутники начали партию в семь тридцать, так что сейчас они на поле. Вы можете его подождать. Если хотите, в столовой вас ждет завтрак за счет заведения. Если любите сигары, у нас превосходный выбор...

– Мы не можем ждать, – перебил его Портер.

Прескотт нахмурился:

– Джентльмены, мы не отвлекаем гостей от партии.

– «Мы»? – ухмыльнулся Нэш.

– Не отвлекаем, – повторил Прескотт.

Портер тяжело вздохнул. Похоже, все сговорились и с самого утра портят им жизнь.

– Мистер Прескотт, для долгих разговоров у нас нет ни времени, ни терпения. Так что выбирайте. У вас два варианта. Либо вы ведете нас к мистеру Толботу, либо мой напарник арестует вас за воспрепятствование осуществлению правосудия, прикует наручниками вон к тому столу и станет громко звать Толбота до тех пор, пока он сам к нам не выйдет. Поверьте, я уже видел, как он это делает; голос у него громкий, но противный. Конечно, решать вам, и все же я от души советую выбрать первый вариант, потому что он не столь опустошительно скажется на вашем предприятии.

Блондинка подавила смешок.

Прескотт метнул на нее сердитый взгляд, затем подошел

к ним вплотную и понизил голос:

– Мистер Толбот – крупный спонсор и большой друг вашего босса, мэра. Всего две недели назад они играли вместе. Не думаю, что кто-то из них обрадуется, узнав, что два стража порядка угрожали поставить пятно на безупречном послужном списке Чикагского полицейского управления, запугивая гражданских лиц, исполняющих свой долг. Если я сейчас же позову его и сообщу, что вы намерены устроить скандал, он, скорее всего, сначала посоветует вам переговорить с его адвокатом и только потом решит, стоит ли уделять вам время.

Нэш снял с пояса наручники.

– Сэм, как хочешь, а я арестую этого засранца. Любопытно будет взглянуть, как он поведет себя в окружении наркоманов и насильников. В его отсутствие нам наверняка поможет мисс... – он посмотрел на бейдж блондинки, – Пайпер.

Прескотт побагровел.

– Отдышитесь, мистер Прескотт, и хорошенько подумайте, прежде чем произнесете следующие слова, – посоветовал Портер.

Дуглас Прескотт закатил глаза и повернулся к мисс Пайпер:

– Где сейчас мистер Толбот и его спутники?

Она ткнула в монитор розовым ногтем, покрытым шеллаком:

– Только что подошли к шестой лунке.

– У вас есть видеокамеры? – спросил Нэш.

Блондинка покачала головой:

– Наши гольф-кары оснащены навигаторами GPS. Они позволяют нам следить за узкими участками и не давать задерживать следующие партии.

– Значит, если кто-то играет слишком медленно, вы выдергиваете их с насиженного места и переводите на детское поле?

– Зачем такие крайности? Мы посылаем к ним профессионала, который советует, что делать. Помогает продвинуться дальше, – объяснила блондинка.

– Можете подвезти нас к нему?

Блондинка покосилась на Прескотта. Тот вскинул руки:

– Иди!

Пайпер достала сумочку из-под стола и показала на коридор в западной части здания:

– Следуйте за мной, джентльмены!

Не прошло и пяти минут, как они сели в гольф-кар и покатались по мощеной дорожке. Мисс Пайпер вела машинку, Портер сидел рядом с ней, а Нэш устроился на скамеечке сзади. Всякий раз, как они насаживали на колдобину или выбоину, Нэш подпрыгивал на месте и ругался.

Портер сунул руки в карманы. За городом было прохладно.

– Не сердитесь на моего босса. Он бывает... – она помол-

чала, подыскивая нужное слово, – сволочеват.

– Что такое «сволочеват»? – спросил Нэш.

– Значит, что такого не захочешь приглашать на мальчишник, – перевел Портер.

Нэш хихикнул.

– Я не собираюсь жениться – разве что у мисс Пайпер есть подруга, согласная выйти за стража порядка с крошечным жалованьем, которое ему платят за то, что в него довольно регулярно стреляют. Кроме того, у меня, как правило, ненормированный рабочий день, и к бутылке я прикладываюсь чаще, чем готов признаться девушке, с которой только что познакомился.

Портер повернулся к Пайпер:

– Мисс, не обращайтесь на него внимания. По закону вы не обязаны знакомить стражей порядка с симпатичными подругами.

Она посмотрела в зеркало заднего вида.

– Детектив, по-моему, вы – просто завидный жених. Как только вернусь к себе в общежитие, сразу же расскажу о вас своим сокурсницам.

– Буду очень вам признателен, – отозвался Нэш.

Портер невольно залюбовался открывшимся видом. Трава на поле была короткой и пышной, он не заметил ни единого сорняка. В зелени по обе стороны дорожки мелькали маленькие прудики. Над газоном высились мощные дубы; их раскидистые ветви защищали играющих от солнца и ветра.

– Вон они. – Пайпер кивнула в сторону группы из четырех мужчин, которые столпились вокруг чего-то напоминающего высокий узкий фонтан.

– Что там за штука? – спросил Нэш.

– Какая штука? – удивился Портер.

Пайпер улыбнулась:

– Джентльмены, это шаропомывочный аппарат.

Нэш помассировал висок и закрыл глаза:

– Сразу вспомнилось столько анекдотов на тему шаров, что даже голова разболелась.

– Ночью шел небольшой дождь, а грязь может помешать игре, – сообщила Пайпер. – Мыть шары разрешается только в начале или в конце лунки. Тех, кто моет шары во время игры, штрафуют.

– Сэм, слышишь? Всегда мой шары перед игрой!

Портер хлопнул напарника по плечу:

– Пожалуй, все-таки стоило оставить тебя в машине!

– Мне нравятся термины в гольфе... Мыть шары, потом загонять их в дырку... сразу видно, игра недетская!

– Нэш, угомонись!

Пайпер остановилась рядом с гольф-каром Толбота и поставила машинку на тормоз.

– Если хотите, я вас подожду.

Портер улыбнулся:

– Очень мило с вашей стороны, спасибо!

Нэш соскочил на землю.

– На обратном пути я сяду впереди, а багажная полка целиком в твоём распоряжении.

Портер подошел к четверым мужчинам, которые готовились начать игру, и помахал жетоном:

– Доброе утро, джентльмены. Я детектив Сэм Портер из Чикагского полицейского управления. Это мой напарник, детектив Нэш. Извините, что прерываю вашу партию, но у нас дело, которое не может ждать. Кто из вас Артур Толбот?

Высокий мужчина пятидесяти с небольшим с коротко стриженными волосами цвета перца с солью слегка тряхнул головой и улыбнулся – Нэш любил называть такую улыбку «гримасой политика».

– Артур Толбот – это я.

Портер понизил голос:

– Мы с вами можем поговорить наедине?

Поверх белой рубашки для гольфа с коричневым поясом и брюк цвета хаки на Толботе была коричневая ветровка. Он покачал головой:

– Детектив, в этом нет никакой необходимости. У меня нет секретов от моих компаньонов.

Пожилой мужчина слева сдвинул очки в металлической оправе на кончик носа и пригладил прядь волос над наметившейся плешью, которая поднялась от ветра. Он встревоженно взглянул на Портера.

– Арти, мы можем продолжать. Ты нас догонишь, когда поговоришь.

Толбот поднял руку, прерывая своего спутника:

– Детектив, чем я могу вам помочь?

– Ваше лицо кажется мне очень знакомым, – обратился Нэш к другому спутнику Толбота, стоящему справа от него.

Портер посмотрел в ту же сторону. Да, пожалуй... Рост – около метра девяноста. Густые черные волосы. Спортивная фигура. Возраст – около сорока пяти.

– Я Луис Фишмен. Мы с вами встречались несколько лет назад, когда вы расследовали дело Эль Бортон, а я работал в окружной прокуратуре. Впоследствии я занялся частной практикой.

Толбот нахмурился:

– Эль Бортон... Почему мне знакомо это имя?

– Она была одной из жертв Обезьяньего убийцы, – ответил третий спутник Толбота, стоящий у шаропомывочного аппарата.

– Точнее, второй, – кивнул Портер.

– Верно.

– Поганый ублюдок, – буркнул мужчина в очках. – Удалось вам его поймать?

– Возможно, сегодня утром его сбил городской автобус, – сказал Нэш.

– Городской автобус? Его что, водитель сдал в полицию? – спросил Фишмен.

Портер покачал головой и рассказал им о несчастном случае, который произошел несколько часов назад.

– И вы считаете, что сбитый – Обезьяний убийца?

– Похоже на то.

Артур Толбот побледнел:

– Зачем вы хотели меня видеть?

Портер глубоко вздохнул. Он терпеть не мог эту часть своей работы.

– Перед тем как погибнуть, он переходил улицу, чтобы добраться до почтового ящика. Он собирался отправить посылку...

– И что?

– Мистер Толбот, на посылке написан ваш домашний адрес.

Толбот вздрогнул. Как почти все жители Чикаго, он знал как действует Обезьяний убийца.

Фишмен положил руку на плечо Толботу:

– Что в посылке, детектив?

– Ухо.

– О нет! Карнеги...

– Мистер Толбот, Карнеги цела и невредима. И Патриша тоже. Они обе дома. Перед тем как ехать сюда, мы заглянули к вам. Ваша жена сказала, где вас найти, – быстро сказал Портер и понизил голос, стараясь успокоить своего собеседника: – Мистер Толбот, нам нужна ваша помощь. Нужно, чтобы вы помогли нам определить, кого он похитил.

– Мне надо сесть, – сказал Толбот. – Похоже, меня сейчас стошнит.

Фишмен покосился на Портера и крепче сжал плечо Толбота:

– Арти, давай-ка я провожу тебя к машине. – Отойдя от ящика с шарами, он повел белого как бумага Толбота к гольф-кару и помог сесть.

Портер велел Нэшу не отставать и последовал за Толботом и его спутником. Для того чтобы не повышать голоса, он сел рядом с Толботом.

– Вам ведь известен образ действий убийцы? Так сказать, шаблон...

Толбот кивнул.

– «Не совершать зла», – прошептал он.

– Вот именно. Он выбирает человека, который совершил что-то плохое, то есть плохое по его мнению, и похищает кого-то из близких этого человека. Кого-то, кто ему небезразличен.

– Я... н-не... – Толбот начал заикаться.

Фишмен заговорил адвокатским тоном:

– Арти, не думаю, что тебе стоит отвечать, пока мы с тобой все не обсудим.

Толбот тяжело дышал, лицо по-прежнему было белым.

– Т-там был мой адрес? Вы уверены?

– Дирборн-Паркуэй, 1547, – сказал Портер. – Да, мы уверены.

– Арти... – еле слышно пробормотал Фишмен.

– Мы должны понять, кто у него, кого он похитил. – По-

молчав, Портер спросил: – Мистер Толбот, у вас есть любовница? – Он наклонился к Толботу. – Если да, можете говорить смело. Это не будет предано огласке. Даю вам слово. Нам нужно только одно: найти девушку, которую он похитил.

– Все не так, как вам кажется, – сказал Толбот.

Портер положил руку ему на плечо:

– Вам известно, кого он похитил?

Толбот стряхнул его руку и встал. Отошел на несколько шагов, достал из кармана сотовый телефон, набрал номер.

– Ну давай же, ответь! Пожалуйста, ответь!

Портер медленно поднялся с места.

– Кому вы звоните, мистер Толбот?

Артур Толбот выругался и нажал отбой.

К ним подошел Фишмен:

– Если ты им скажешь, пути назад уже не будет! Понимаешь? Пройдет совсем немного времени, и обо всем узнают репортеры. Твоя жена. Твои акционеры. У тебя есть определенные обязательства. Они важнее, чем... Ты должен все хорошенько обдумать. Если тебе неудобно обсуждать дело со мной, посоветуйся с другими адвокатами.

Толбот метнул на него сердитый взгляд:

– Не собираюсь ждать биржевого анализа, пока какой-то псих...

– Арти! – перебил его Фишмен. – Давай хотя бы для начала во всем убедимся. Убедимся наверняка.

– Тянуть время – отличный способ допустить, чтобы жертву убили, – заметил Портер.

Артур Толбот раздосадованно взмахнул рукой и снова принялся набирать номер; он все больше тревожился. Отключаясь, он с такой силой ударил по экрану, что Портер засомневался, не разбил ли он телефон.

Портер жестом подозвал к себе Нэша и снова обратился к Толботу:

– Мистер Толбот, у вас есть еще одна дочь, ведь так? Дочь, рожденная вне брака?

Толбот кивнул и тут же отвернулся. Фишмен тяжело вздохнул, как будто из воздушного шара выпустили воздух.

Толбот покосился на Портера, потом на Фишмена, потом снова на Портера. Провел рукой по волосам.

– Патриша и Карнеги о ней не знают.

Портер подошел к Толботу ближе:

– Она здесь, в Чикаго?

Он заметил, что Толбота трясет от волнения. Банкир снова кивнул:

– Жилой комплекс «Флэр-Тауэр». Она живет в пентхаусе номер 3204 в северном крыле. Я позвоню туда, предупрежу, что вы приедете, и вас впустят.

– Где ее мать?

– Умерла. Уже двенадцать лет назад. Господи, ей всего пятнадцать...

Нэш отвернулся и позвонил в дежурную часть. Кримина-

листы и опергруппа будут там через несколько минут.

Портер и Толбот прошли к гольф-кару, сели.

– Кто о ней заботится? – спросил Портер. – С кем она живет?

– У ее матери обнаружили рак. Я обещал, что позабочусь о нашей дочери, когда ее не станет. Опухоль росла очень быстро; все было кончено где-то за месяц. – Он постучал себя по виску. – Вот здесь. Оперировать нельзя было; она засела слишком глубоко. Я бы все оплатил. Я предлагал... Но мне сказали, что операция невозможна. Мы обошли столько врачей... не меньше трех десятков. Я любил ее больше всех на свете. Мне пришлось жениться на Патрише, у меня были... обязательства. Были причины, которые превыше моей власти. Но я хотел жениться на Катрине. Иногда жизнь вносит свои коррективы, понимаете? Иногда приходится чем-то жертвовать ради высшего блага.

Портер этого не знал и, более того, не понимал. Какой сейчас век – пятнадцатый? Принудительные браки давно ушли в историю. А банкиру не мешало бы быть потверже...

– Мистер Толбот, мы приехали не для того, чтобы вас осуждать, – сказал он. – Как ее зовут?

– Эмори, – ответил Толбот. – Эмори Коннорс.

– У вас есть ее фото?

Толбот ненадолго замялся и покачал головой:

– С собой нет. Я не могу допустить, чтобы снимок нашла Патриша.

Портер – день первый, 8.31

– Карнеги и Эмори? Надо будет подарить Толботу на Рождество словарь популярных детских имен, – сказал Нэш. – И как он ухитрялся много лет прятать дочь и любовницу в одном из самых дорогих пентхаусов города так, чтобы жена ни о чем не догадывалась?

Портер бросил ему ключи и, обойдя «чарджер», распахнул переднюю пассажирскую дверцу.

– Веди ты; я пока почитаю дневник. Возможно, в нем найдется что-то полезное для нас.

– Вот лентяй! Ты просто любишь, когда тебя возят. Водитель миссис Портер...

– Пошел ты!

– Включу-ка «яблочко»; нам нужно поскорее добраться до места. – Нэш нажал переключатель на приборной панели.

Портер не слышал этого слова уже очень давно. В те дни, когда он только поступил в полицию, «яблочками» называли проблесковые маячки на магнитах, которые можно было быстро прикрепить к крыше машины без опознавательных знаков. Таких маячков, конечно, уже давно не выпускают; их сменили светодиодные панели по краю ветрового стекла, такие тонкие, что изнутри их не видно.

Нэш с места рванул на третьей скорости и повернул к выходу. Машину занесло; шины завизжали от удовольствия, чувствуя мощь.

– Я разрешил тебе вести машину, а не играть в GTA! – нахмурился Портер.

– У меня «форд-фиеста» восемьдесят восьмого года выпуска. Ты хоть понимаешь, что это такое? Представляешь себе унижение, которое я испытываю всякий раз, как влезаю в машину, захлопываю скрипучую дверцу, завожу чудовищный четырехцилиндровый мотор? Звук у него как у электрической точилки карандашей. Я мужчина, иногда мне просто необходимо отвлечься. Ну, пойми меня!

Портер отмахнулся:

– Мы обещали капитану, что отзвонимся после разговора с Толботом.

Нэш выкрутил руль влево и пролетел мимо минивэна, который послушно ехал в пределах разрешенной скорости. Они пронеслись так близко, что Портер разглядел игру «Энгри бердс» на экране айпада маленькой девочки на заднем сиденье. Девочка ненадолго оторвалась от игры и улыбнулась, увидев мигающие огоньки, а потом снова уткнулась в экран.

– Я еще из Уитона отправил ему эсэмэску. Он знает, что мы едем к «Флэр-Тауэр», – ответил Нэш.

Портер вспомнил маленькую девочку с айпадом.

– И все-таки скажи мне, как можно пятнадцать лет пря-

тать дочь в современном мире? Ведь это непросто, верно? Я уже не говорю о свидетельстве о рождении, но как можно хранить такие тайны в век Интернета и соцсетей? А пресса? Толбот все время мелькает в новостях, особенно с тех пор, как начал строительство на берегу озера. Камеры следуют за ним повсюду; все только и ждут, что он облажается. Кто-то наверняка заснял его...

– С помощью денег многое можно скрыть, – возразил Нэш, на скорости входя в поворот и выезжая на магистраль. Портер вздохнул и раскрыл дневник.

Дневник

Летние месяцы в нашей области планеты бывают довольно теплыми. В июне я почти все время проводил на улице. Сразу за нашим домом начинался лес, а в глубине леса было маленькое озеро. Зимой оно замерзало, но летом вода была чистейшего голубого цвета и теплая, как парное молоко.

Я любил ходить к озеру.

Бывало, я говорил маме, что иду на рыбалку, но, по правде говоря, я не любил ловить рыбу. При мысли о том, что надо насаживать червя на крючок и забрасывать его в воду, а потом ждать, пока водная фауна начнет интересоваться извивающейся наживкой, мне делалось не по себе. Кроме того, я сомневался в том, что в естественных условиях, в дикой природе рыба питается червями. Для начала надо было увидеть, как червь заползает в озеро сам. А если в воде не много червей, вряд ли они служат основой рыбьего рациона. Насколько я понял, крупные рыбы питаются в основном не червями, а рыбешкой помельче. Возможно, рыбакам везло бы больше и чаще, если бы они ловили крупную рыбу на мелкую? Помимо всего прочего, мне всегда не хватало терпения на подобные глупости.

Но само озеро мне нравилось.

Оно нравилось и миссис Картер.

Помню, как я увидел ее в первый раз.

Было двенадцатое июня. Занятия в школе закончились неделю назад, с неба сияло солнце, улыбаясь нашему кусочку Земли, согревая его своей любовью. Я подошел к озеру с удочкой в руке, насвистывая песенку. Я всегда был таким счастливым ребенком. Я был в полном порядке.

Я устроился под любимым деревом, огромным дубом. Судя по его размерам, он был очень старым. Если спилить дерево и посчитать кольца, наверное, их оказалось бы много – сто или даже больше. Приходили и уходили годы, а дуб все стоял на месте и смотрел вниз на остальной лес. Дерево в самом деле было очень красивым.

Шло время, и я устроил себе у подножия дуба уютное гнездышко. Удочку я всегда ставил слева от себя, а пакет с завтраком (в котором, естественно, был сэндвич с арахисовой пастой и виноградным джемом) – справа. Потом я достававал из кармана книжку и забывал обо всем.

Именно в тот день я проверял одну теорию. За месяц до того на уроке естествознания учитель объяснил, что Земле четыре с половиной миллиарда лет. Еще раньше нам сказали, что человечеству всего двести тысяч лет. После того как я услышал эти любопытные, но бесполезные факты, в моем подсознании пробудилась одна мысль. Именно поэтому накануне я взял в библиотеке именно ту книжку – книж-

ку об окаменелостях.

Вот что мне хотелось понять. Если сегодня человечество исчезнет с лица Земли, надолго ли сохранятся свидетельства нашего существования? Здания, конечно, разрушатся быстро, и мать-Земля поспешит вернуть себе все, что принадлежит ей по праву. Органика исчезнет еще быстрее. Итак, допустим, по самым скромным оценкам (и потому что я забыл захватить калькулятор), что все следы нашего пребывания на Земле исчезнут за восемьсот тысяч лет. Складываем двести тысяч лет существования и восемьсот тысяч лет исчезновения; примерно выходит цикл в миллион лет.

Нашей планете четыре с половиной миллиарда.

Значит, вполне возможно, что за время существования Земли человечество (в той или иной форме) приходило и уходило четыре с половиной тысячи раз, не оставляя никаких следов своей предыдущей инкарнации. Даже если округлить этот цикл до десяти миллионов лет, шаблон повторится четыреста пятьдесят раз. А если допустить, что такой цикл равен ста миллионам лет, он все равно повторится сорок пять раз. И даже если предположить, что между каждой эволюцией человечества проходит миллиард лет, одно и то же событие могло произойти четыре или пять раз.

Это меня поразило.

Известный нам мир, все, созданное человечеством, может полностью исчезнуть без труда и полностью сменить-

ся, и новые люди даже не будут знать о существовании своих предшественников.

Что, если мы не первые?

Что, если предыдущая человеческая раса дошла до некоей точки, когда были созданы динозавры, а потом динозавры всех их съели, но после сами погибли из-за огромного астероида? Что, если дерево у меня за спиной было создано нашими предшественниками с помощью генной инженерии? Может быть, на нашей планете не было деревьев, пока их не создали обитавшие на ней существа? В конце концов, у нас не было арахисовой пасты до тех пор, пока кто-то ее не придумал; почему с деревьями не могло случиться то же самое? Или с собаками? Если те, кто жили здесь до нас, довели до такого совершенства технику и технологии, неужели так трудно поверить, что создать животное им было труднее, чем для нас сегодня построить машину?

Что, если прогресс у предыдущей человеческой расы дошел до такой степени, что несколько сотен тысяч лет назад наши предшественники покинули Землю и могут в любой миг вернуться и навестить нас?

Как они выглядят – так же, как мы, или больше похожи на инопланетян из фильма «Ближние контакты третьего уровня», одного из моих самых любимых фильмов всех времен?

Разве мои предположения не разумнее, чем вера в то, что мы – первая или единственная человеческая раса, которая

ступала на эту планету?

Потом я подумал о фоссилиях, или окаменелостях; вот почему я взял в библиотеке именно ту книгу.

Видите ли, предметы, сохранившиеся в камнях, «окаменевают» и остаются такими... сколько? Не знаю, но очень долго – миллионы лет, если вспомнить динозавров. Если бы прошлая человеческая раса создала автомобиль или компьютер, разве мы бы не нашли их останки, сохранившиеся в камне?

Многие сразу согласились бы со мной, но я готов был с этим поспорить. В конце концов, для того, чтобы сохраниться в камне, существу или предмету для начала нужно туда попасть. Если остатки уничтожены дождем и ветром до того, как это могло произойти, доказательства бесследно исчезали.

За месяц до того дня я убил кошку и положил одеревеневший трупик на берег озера, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Не волнуйтесь, это была не чья-то домашняя, а обыкновенная бродячая кошка. Маленькая трехцветная кошка жила в лесу. По крайней мере, там я ее нашел. Если даже она была чья-то, на ней не было ошейника и бирки. Если она была чья-то и ей позволяли бегать без ошейника, вину за смерть животного следует возложить на хозяев.

Кошка выглядела не слишком хорошо. Так было уже давно.

Первые несколько дней останки ужасно воняли, но это быстро прошло. Сначала налетели мухи, потом в трупе завелись личинки. Возможно, в первые дни по ночам приходили и звери покрупнее. И вот прошел почти месяц, и от кошки не осталось ничего, кроме кучки костей. Ветер и дождь, несомненно, размоют и их; потом от трупа не останется ничего.

По-моему, человек способен исчезнуть так же быстро.

Сначала меня испугал шорох. Сколько бы раз ни приходил к озеру, я никогда никого здесь не видел. Однако ничто не вечно. В тот день я понял, что кто-то стоит на берегу озера шагах в ста от меня и смотрит на воду.

Я спрятался за дерево, чтобы меня не увидели.

Хотя она стояла под таким углом, что лица не было видно, я сразу же узнал ее волосы, длинные черные кудри, которые доходили ей почти до талии.

Она покосилась в мою сторону, и я пригнулся ниже. Потом она повернулась направо и стала озираясь. Видимо, решив, что она одна, успокоилась, достала из пляжной сумки полотенце и расстелила его на берегу.

Еще раз оглядевшись, она изогнула руку и растянула застегжку платья. Оно упало к ее ногам кучкой белой материи в цветочек.

Я разинул рот.

Под платьем на ней ничего не было.

До того дня я ни разу не видел голой женщины.

Она закрыла глаза, подняла лицо к солнцу и улыбнулась.

У нее были такие длинные ноги!

И груди!

Я почувствовал, как краснею. Я до сих пор краснею, когда вспоминаю тот день.

Я увидел поросль волос в том месте, особом местечке.

Миссис Картер подошла к воде и шагнула вперед. Сначала она вздрогнула – наверное, вода была холодной.

Она шагнула дальше, туда, где дно опускалось.

Когда вода дошла ей до бедер, она нагнулась, набрала пригоршню воды и плеснула себе на грудь. Через мгновение она нырнула и поплыла к середине озера.

Я наблюдал за ней из своего безопасного укрытия – из-за дерева.

Ночь я провел беспокойно.

Вместе с летом в наши края пришла жара; после того как природа сбросила весеннюю дымку, в моей комнате стало душно.

Правда, я не спал не из-за жары; мне не давали покоя мысли о миссис Картер. Не скрою, они были самыми нечистыми и очень новыми для меня. Стоило мне закрыть глаза, и я видел ее стоящей в озере; в лучах солнца на теле поблескивали капельки воды. Потом я вспоминал ее ноги... такие длинные и нежные... Кровь ударяла в такое место, куда

никогда не ударяла раньше, и я чувствовал...

Тогда я был маленьким мальчиком; достаточно сказать, что я был поражен.

На следующее утро я проснулся от звуков ее голоса.

Сначала я подумал, что мне еще снится сон, и обрадовался такому сну, мне хотелось еще раз посмотреть, как она снимает платье и входит в озеро. Мне хотелось снова и снова смотреть такой занимательный спектакль. Я услышал ее шепот, за которым послышался смех мамы. Я открыл глаза.

– Настоящее извращение, – сказала она. – Раньше меня еще ни разу не связывали.

– Неужели ни разу?! – спросила мама.

Миссис Картер хихикнула:

– Из-за этого я кажусь тебе ханжой?

– Нет, просто неопытной. Пройдет время, и ты сама удивишься, узнав, на что способен твой муженек, чтобы завестись.

– Правда?

– О да. Вот на прошлой неделе... – Мама понизила голос до шепота.

Я сел в постели. Голоса были еле слышными; они доносились из другой части дома.

Я поспешно оделся и прижался ухом к двери, но по-прежнему не мог разобрать слов.

Осторожно повернув ручку, я высунулся в коридор; в нос-

ках я шел по деревянному полу бесшумно.

Коридор оканчивался в гостиной, которая, в свою очередь, переходила в кухню. Я потянул носом и почувствовал, что мама что-то печет: изумительно пахло яблоками и тестом. Может, пирог? Люблю вкусные пироги.

Я не говорил, что моя мама великолепно готовила?

Ее кулинарные таланты поражали даже самых строгих критиков. Не скрою, на ужин я ел даже овощи в ее исполнении. Спаржа у нее получалась восхитительно. А брокколи! Я просто обожал ее брокколи. Однажды она пожарила брокколи во фритюре. Как же было вкусно!

Мама и миссис Картер одновременно расхохотались.

Я прижался к стене в конце коридора. Я по-прежнему не слишком хорошо слышал, но не смел войти в гостиную. Ладно, сойдет и так.

– Мой Саймон не такой предприимчивый, – сказала миссис Картер. – К сожалению, запас... приемов у него небольшой. Можно сказать, все его фокусы умещаются в сумочке, а не в мешке... Точнее, в бумажном пакетике.

Открылась дверца холодильника; зазвенели бутылки.

– Мой муж не такой, – ответила мама. – Иногда я затеваю игру нарочно, чтобы отвлечь его от спальни. Или от прачечной. Или от кухонного стола.

– Не может быть! – смеясь, воскликнула миссис Картер.

– Может, – ответила мама. – Мужчины похожи на зверей во время гона. Иногда его ничто не остановит.

– Но ведь у вас ребенок?

– Мальчик вечно где-то бродит, чем-то занимается. Или лежит в постели и спит, как медведь во время зимней спячки. Под ним может разверзнуться земля, и он способен заснуть даже во время побоища.

Значит, вот чем занимаются мама и соседка, пока я в школе, а отец на работе? Сидят на кухне и проводят время за пустой болтовней о том, о сем, кто, что, когда, почему и как?

Я осторожно высунул голову из-за угла, по-прежнему не произнося ни звука.

Мама что-то мешала на рабочем столе. Миссис Картер сидела за столом и держала в руках кружку с кофе.

– Попробуй кое-что изменить, чтобы добавить изюминку, – посоветовала мама. – Миссионерскую позу оставь миссионерам, вот мой девиз! Купи игрушки для взрослых или принеси в спальню еду. Все мужчины обожают взбитые сливки.

Мне не разрешали носить еду в комнату – после того как мама нашла у меня под кроватью наполовину съеденную коробку печенья.

Миссис Картер снова хихикнула:

– Вот уж ни за что бы не подумала!

– А ты подумай.

– А если ему не понравится или он решит, что я извращенка? Я, наверное, не переживу унижения.

– Ему понравится; им всегда такое нравится.

– Ты так думаешь?

– Я не думаю, я знаю.

Ненадолго они замолчали; потом заговорила миссис Картер:

– У твоего мужа когда-нибудь было так, что не получалось, ну, ты понимаешь...

– У моего мужа? – Голос у мамы стал очень высоким от волнения. – Что ты, нет. У него все в полном порядке!

– Даже когда он выпьет?

– Особенно когда он выпьет!

Деревянный стул скрипнул.

Я заглянул за угол. Мама села рядом с миссис Картер и положила руку ей на плечо:

– С твоим такое часто случается?

– Только когда он пьет.

– Он много пьет?

Миссис Картер задумалась, подыскивая нужные слова.

– Не каждую ночь.

Мама сжала ей плечо:

– Что ж, мужчины есть мужчины. Ему еще предстоит повзрослеть.

– Думаешь?

– Конечно. Когда семейная жизнь только начинается, мужчина ощущает сильное давление. Конечно, вы оба его ощущаете, но он особенно. Он купил вам чудесный дом. Вы,

наверное, уже думали о детях?

Миссис Картер кивнула.

– Все такие мысли давят на него, как тяжелый груз. Каждая новая забота добавляет фунт-другой; потом он едва может ходить или стоять. Он пьет, чтобы как-то разобраться с проблемами, только и всего. Я не вижу ничего плохого в том, чтобы чуть-чуть выпить, успокоить нервы. Так что не бойся. Пройдет время, давление ослабеет, и все у вас наладится. Вот погоди, и увидишь.

– Ты не думаешь, что дело во мне? – спросила миссис Картер почти по-детски.

– Ты такая хорошенькая! Конечно нет, – ответила мама.

– По-твоему, я хорошенькая?

Мама фыркнула:

– И ты еще спрашиваешь! Ты просто сногшибательная! Да я почти не встречала таких красавиц, как ты!

– Как мило, что ты мне это говоришь, – сказала миссис Картер.

– Я говорю правду. Любой мужчина был бы счастлив иметь тебя, – сказала мама.

Они снова замолчали, и я украдкой высунулся из-за угла, стараясь не шуметь.

Мама и миссис Картер целовались.

Эмори – день первый, 8.46

Мрак.

Он клубился и кружился вокруг нее, как течение в глубоком море. Холодный и безмолвный, он ползал вокруг нее и прикасался, словно незнакомец.

«Эм, – шептала мама, – вставай, опоздаешь в школу».

– Не-е-е-ет! – протянула она. – Еще несколько минуточек...

«Вставай, малышка; больше я не буду повторять».

– У меня страшно болит голова. Можно я сегодня останусь дома? – Собственный голос показался ей тихим, далеким и очень сонным.

«Я не стану снова покрывать тебя и врать директору. Ну почему одно и то же каждый день?»

Что-то было не так. Мама умерла очень давно, когда ей было всего три года. Мамы не было рядом в ее первый школьный день. Мама ни разу не отводила ее в школу. Ее вообще не водили в школу. Почти всю жизнь с ней занимались дома.

– Мама! – негромко позвала Эмори.

Молчание.

Как ужасно болит голова!

Она попыталась открыть глаза, но глаза не открывались.

Голова болела ужасно, боль пульсировала. И сердце билось учащенно; пульсация особенно ощущалась за глазами.

– Мама, где ты?

Она взгляделась во мрак слева, ища освещенные красные цифры на своем будильнике. Но будильника не было; в комнате царила крошечная тьма.

Обычно на потолке ее комнаты отражался свет большого города, но сейчас было темно.

Она ничего не видела.

«Это не твоя комната».

Слова пришли в голову неизвестно откуда, как будто их произнес неизвестный голос.

«Где я?»

Эмори Коннорс попыталась сесть, но в левой части головы запульсировала боль, и она вынуждена была снова лечь. Она потянулась рукой к левому уху и нащупала толстую повязку. Повязка намокла.

«Кровь?!»

Потом она вспомнила укол.

Он сделал ей укол.

«Кто он?»

Эмори не знала. Его она не помнила. Зато укол помнила. Его рука... Он зашел сзади и всадил ей в шею иглу. Она почувствовала холод.

Попыталась повернуться.

Она хотела сделать ему больно. Ее учили на уроках само-защиты, куда ее записал отец. «Главное – наказать и изувечить. Бей его по яйцам, детка. Вот умница, моя дочка».

Ей хотелось развернуться, врезать ему ногой, а кулаком ударить в нос или в дыхательное горло – а может, в глаза. Она хотела причинить ему боль до того, как он причинит боль ей, она хотела...

Эмори не обернулась.

Вокруг все почернело, и ее накрыл сон.

«Он изнасилует и убьет меня, – подумала она, пока сознание уходило от нее. – Помоги мне, мама», – думала она, а вокруг все чернело.

Мамы нет. Она умерла. И скоро Эмори к ней присоединится.

Ну и ладно, вот и хорошо. Ей хочется снова увидеть маму. Но он ее не убил. Или все-таки?..

Нет. Мертвые не чувствуют боли, а у нее дергает ухо.

Она заставила себя сесть.

Когда она выпрямилась, кровь потекла с головы, и она чуть снова не потеряла сознание. Мрак закружился, но через некоторое время остановился.

«Что он мне вколол?»

Она слышала, как девочкам что-то добавляют в напитки в клубах и на вечеринках, накачивают их чем-то; потом они просыпаются в незнакомых местах, в мятой одежде, и не помнят, что с ними случилось. Она не ходила ни на какую

вечеринку; она бегала на Вашингтон-сквер. Он потерял собаку. Он выглядел таким грустным; держал в руке поводок и звал ее.

«Белла? Стелла? Как звали его собаку?»

Эмори не помнила. Голова как будто ватой набита, или в ней клубится дым, он не дает думать.

– Куда она побежала? – спросила Эмори.

Он нахмурился, он чуть не плакал.

– Она увидела белку и бросилась за ней, вон туда. – Он показал на восток. – Раньше она никогда не убегала. Ничего не понимаю!

Эмори обернулась, проследила за направлением его взгляда.

И тут сзади метнулась рука...

Укол.

– Пора спать, красавица, – прошептал он ей на ухо.

Никакой собаки у него не было. Как она могла быть такой душой?

Ей стало холодно.

Что-то удерживало правую руку вниз. Эмори дернула руку на себя и услышала металлический лязг. Дотянувшись левой рукой до правой, ощупала гладкую сталь на запястье, тонкую цепь.

Наручники.

Он приковал ее к тому, на чем она лежит.

Приковал за правую руку; левая свободна.

Она глубоко вздохнула. В помещении, где она находилась, было душно и сыро.

«Не паникуй, Эм. Не позволяй себе поддаваться страху».

Глаза старались привыкнуть к темноте, но ничего разглядеть не могли. Кончиками пальцев она ощупала поверхность, на которой лежала. Кровать?

«Нет, не кровать. Что-то еще».

Стальное.

«Больничная каталка!»

Эмори сама не понимала, как догадалась, – просто догадалась, и все.

Господи, куда она попала?!

Ее передернуло; она только сейчас поняла, что лежит совершенно голая.

Эмори задумалась, потом опустила руку, пощупала между ног. Там ничего не болело.

Если бы он ее изнасиловал, она бы, наверное, это поняла?

Она не знала.

Эмори занималась сексом всего один раз в жизни, и ей было больно. Не очень больно, просто неприятно, и только сначала. Ее друг, Тайлер, обещал быть с ней нежным, и сдержал слово. Все закончилось довольно быстро; для него тот раз тоже был первым. Это случилось всего две недели назад. Отец разрешил ей пойти в школу имени Уитни Янга, где учился Тайлер, на вечер встречи выпускников. Тайлер снял номер в отеле «Юнион»; ему даже где-то удалось раздобыть

бутылку шампанского.

Как же болит голова!

Она осторожно ощупала повязку. Бинты полностью закрывали левое ухо. Повязку скрепляло что-то вроде клейкой ленты. Она осторожно отлепила липучку...

– Ах ты...

Холодный воздух резанул, как ножом.

Она все-таки немного размотала бинт, чтобы можно было просунуть под него руку.

Глаза ее наполнились слезами, когда она ощупала то, что осталось от ее уха: в лучшем случае зазубренный шрам, защищенный и мягкий.

– Нет... нет... нет! – закричала она.

Голос гулким эхом отдавался от стен и возвращался к ней, как будто в насмешку.

13

Дневник

Остаток дня прошел очень быстро. После того как стал свидетелем поцелуя, я спешно вернулся к себе в комнату с вытаращенными глазами и выпуклостью в шортах; сердце так сильно билось, что готово было вырваться из моей юной грудной клетки. Я много раз видел, как целуются отец и мать, но их поцелуи никак на меня не действовали. А тогда... Я понял, что в самом деле увидел нечто особенное.

Вскоре после этого миссис Картер ушла. Я смотрел ей вслед. Видел, как она медленно идет по дорожке и по газону к своему дому. Она несколько раз оглянулась; заметив, что я наблюдаю за ней из окна спальни, улыбнулась так ослепительно, что ее улыбка осветила бы даже самую темную комнату.

Знала ли она, что я видел их поцелуй?

Я не уверен, но что-то подсказывало мне: она бы этого хотела.

Портер – день первый, 9.13

Нэш поставил «чарджер» на стоянку для инвалидов перед «Флэр-Тауэр» и заглушил мотор.

– Ты в самом деле здесь припаркуешься? – мрачно спросил Портер.

Нэш пожал плечами:

– Мы ведь копы; нам можно. И потом, кто усомнится в твоей инвалидности, когда увидят, как ты выползаешь из машины?

– Когда все закончится, напомни, чтобы я поискал нового напарника.

– По-моему, замечательная идея. Может, мне достанется какая-нибудь знойная юная напарница, только что из академии, – ухмыльнулся Нэш.

– Может, тебе повезет и попадется такая, которой захочется папика.

– Не помню, чтобы такой вопрос был в анкете, но, может быть, я его пропустил.

Швейцар распахнул перед ними большие стеклянные двери, и они подошли к стойке. Портер показал жетон.

– Пентхаус 3204 в северном крыле!

Молодая женщина с коротко стриженными темно-русыми волосами и голубыми глазами улыбнулась ему в ответ:

– Ваши коллеги прибыли минут двадцать пять назад. Садитесь в лифт номер шесть и поднимайтесь на тридцать шестой этаж. Пентхаус будет справа от выхода. – Она протянула ему ключ-карту. – Вот, держите.

Они сели в лифт номер шесть, и двери со свистом закрылись. Портер нажал кнопку тридцать шестого этажа, но кабина не двинулась с места.

– Вставь карту в щель, – подал голос Нэш.

– В щель? Какого хрена ты подался в детективы?

– Прости, я утром не успел справиться в календаре, какое сегодня «слово дня», – парировал Нэш. – Вон в то устройство. Похоже на машинку для считывания кредитных карт.

– Понял, понял, Эйнштейн. – Портер сунул карту в устройство и снова нажал кнопку. На сей раз панель осветилась ярко-голубым светом, и они начали подниматься.

Дверцы лифта открылись, и они вышли на площадку, от которой отходили коридоры. Застекленные полы позволяли любоваться просторным атриумом этажом ниже. В конце коридора справа дверь была открыта; рядом с ней стоял полицейский в форме.

Портер и Нэш подошли к нему, показали жетоны и зашли внутрь.

Открывающийся вид захватывал дух.

Пентхаус занимал весь северо-восточный угол здания.

Внешние стены были стеклянными от пола до потолка; за ними имелся еще и внутренний дворик. Вокруг них раскинулся город; вдали виднелось озеро Мичиган.

– Когда мне было пятнадцать, – сказал Портер, – я жил не на таком просторе.

– В этой гостиной поместится вся моя квартира, – вздохнул Нэш. – После сегодняшнего дня придется, наверное, сдать жетон и заняться недвижимостью. Скоро я тоже стану магнатом!

– Вряд ли тебе сразу удастся подняться на такую высоту, – предупредил Портер. – Возможно, вначале придется пройти заочный курс обучения в Интернете.

Нэш достал из кармана две пары латексных перчаток, одну пару протянул Портеру, вторую надел сам.

В пентхаусе уже работала бригада экспертов-криминалистов. Пол Уотсон издали заметил их и поспешил навстречу. Он работал возле огромного, от пола до потолка, стеллажа с книгами у противоположной стены.

– Если здесь и была борьба, то признаков нет. В жизни не видел такой чистой квартиры! Холодильник забит продуктами под завязку. В мусорной корзине я нашел квитанцию двухдневной давности. Мы затребовали распечатку телефонных переговоров, но не думаю, что там что-то удастся выяснить. Мне удалось определить последние десять входящих звонков; все они от ее отца.

– У нее здесь наземная линия связи?

Уотсон пожал плечами:

– Может, она прилагается к такой квартире.

– Скорее всего, папочка провел. При наземной линии не сошлешься на то, что связи нет или не слышно звонков, – заметил Нэш.

– А как насчет исходящих? – спросил Портер.

– Три номера. Сейчас мы их проверяем, – ответил Уотсон.

Портер начал осматривать квартиру; туфли скрипели на деревянном полу.

В кухне он увидел шкафчики вишневого дерева и темные гранитные столешницы. Все бытовые приборы из нержавеющей стали – плита «Викинг», трехкамерный холодильник. В гостиной стоял большой угловой бежевый кожаный диван. Он казался таким уютным, что мучительно было даже смотреть на пухлые подушки. Напротив дивана расположился телевизор «Самсунг» с диагональю восемьдесят дюймов, не меньше.

– Четыре-ка, – заметил Нэш.

– Что такое «четыре-ка»?

– Телевизор с ультравысоким разрешением. В четыре раза больше пикселей, чем у стандартных телевизоров эйч-ди.

Портер только кивнул. У него дома до сих пор стоял самый обычный телевизор-«кубик» с диагональю экрана девятнадцать дюймов. Он отказывался заменить древний прибор плоской панелью, ведь тот еще работал. Раньше делали технику на совесть: его телевизор долго не ломался.

В гостиной имелся и рабочий уголок с большим дубовым письменным столом. Эксперт копировал файлы с большого, двадцатисемидюймового моноблока iMac.

– Что-нибудь нашли? – спросил Портер.

Эксперт покачал головой:

– Все выглядит вполне обычно, ничего из ряда вон... Как только вернемся, проанализируем ее личные файлы и активность в соцсетях.

Портер прошел в спальню. Постель застелена очень аккуратно. Никаких плакатов на стенах, только несколько картин.

– Как-то это неправильно.

Нэш выдвинул несколько ящиков комода; в каждом лежала идеально сложенная одежда.

– Ага. Больше похоже на дом из рекламы или из плохого сериала. Если здесь живет пятнадцатилетняя девчонка, она самый аккуратный ребенок на свете.

На ее прикроватной тумбочке стояла единственная фотография в рамке: женщина лет двадцати пяти – двадцати восьми. Струящиеся темные волосы, ярко-зеленые глаза... Портер таких в жизни не видел.

– Ее мать? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Да, наверное, – отозвался Уотсон.

Мать Эмори стояла на ступеньках планетария Адлера.

– Толбот сказал, что она умерла от рака, когда Эмори бы-

ло всего три года, – заметил Портер, разглядывая фотографию. – Рак мозга, ну надо же!

– Если хотите, я наведу справки, – живо предложил Уотсон.

Портер кивнул и поставил фотографию на место.

– Да, может, мы что-нибудь и выясним.

– Кровать прямо по струнке застелена, – заметил Нэш. – Вряд ли девочка заправляла ее сама.

– Я до сих пор не убежден, что девочка здесь живет.

Ванная поражала воображение – сплошной гранит и известковый туф. Две раковины. В душе можно было устраивать вечеринки; Портер насчитал не меньше шести насадок с дополнительными форсунками, встроенными в стены.

Он подошел к раковине, потрогал ее зубную щетку.

– Еще влажная, – заметил он.

– Сейчас уберу в пакет, – сказал Уотсон. – Вдруг понадобится ДНК. Передайте мне ту щетку тоже.

К спальне примыкала еще одна малая гостиная. Стены были уставлены стеллажами, которые ломились от книг – Портеру показалось, что там больше тысячи томов. Книги были самые разные, от Диккенса до Дж. К. Роулинг. На большом мягком анатомическом кресле посреди комнаты лежал раскрытый роман какого-то Тада Макалистера.

– Может быть, она все-таки живет здесь, – сказал он, беря книгу. – Этот роман вышел несколько недель назад.

– А ты откуда знаешь? – удивился Нэш.

– Хизер тоже его купила. Она большая поклонница этого типа.

– Ясно.

– Посмотрите-ка, – сказал Уотсон. Он держал в руках учебник английской литературы. – А в гостиной на столе лежит учебник высшей математики... Эта серия, «Уортингтон», особенно популярна у тех, кто учится на дому. Мистер Толбот сказал, в какой школе учится его дочь?

Портер и Нэш переглянулись:

– Мы не спрашивали.

Уотсон листал страницы.

– Если она где-то учится, можно расспросить ее друзей... – Он покраснел. – Извините, сэр. Я хотел сказать... конечно, вы расспросите ее друзей – если решите, что вам это нужно.

На поле для гольфа Толбот вручил Портеру свою визитную карточку с номером мобильного телефона. Портер похлопал себя по карману, чтобы убедиться, что карточка на месте.

– Когда мы здесь закончим, я позвоню ее отцу и все выясню.

Они вышли из спальни и продолжили осмотр в холле.

– Сколько здесь спален?

– Три, – ответил Уотсон. – Взгляните вот сюда! – Он показал комнату справа от них.

Портер зашел в комнату. На двуспальной кровати стояла

корзина с грязным бельем. В изголовье висел большой католический крест. Комод был уставлен фотографиями в рамках – их было так много, что они стояли в два ряда.

Нэш взял одну.

– Это она? Эмори?

– Да, наверное.

На многочисленных снимках она была представлена в разных возрастах: от малышки до очень красивой юной девушки в темно-синем платье; она стояла рядом с мальчиком лет шестнадцати с длинными волнистыми темными волосами. Надпись маленькими буквами в углу гласила: «шк. им. Уитни Янга, вечер встречи выпускников, 2015».

– Значит, она там учится? – спросил Портер.

– Я выясню. – Уотсон показал на молодого человека рядом с Эмори: – По-вашему, это ее бойфренд?

– Похоже на то.

– Можно взглянуть? – попросил Уотсон.

Портер протянул ему фотографию.

Уотсон перевернул рамку и сдвинул крошечные петельки, потом аккуратно извлек снимок.

– «Эм и Тай». – Он показал им надпись на обороте. Имена были напечатаны мелким шрифтом в правом нижнем углу.

– Элементарно, мой дорогой Уотсон, – сказал Портер.

– Что? Нет, «Уитни Янг» – не элементарная, а старшая школа.

Нэш хихикнул:

– Нравится мне этот парень! Давай заберем его к себе?

– Капитан меня убьет, если я приведу еще одну дворняжку с улицы, – ответил Портер.

– Сэм, я серьезно. Рабочая сила нам очень пригодится. На то, чтобы найти девочку, у нас два, максимум три дня. У него вроде бы есть голова на плечах, – продолжал Нэш. – Если ты не начнешь подбирать людей в опергруппу, это делает капитан. Уж лучше ты сам, не то нам подсунут кого-нибудь вроде Мюррея. – Он кивнул в сторону детектива, стоящего в коридоре; тот уже давно рассматривал кончик шариковой ручки. – Можно привлечь его как связующее звено с экспертно-криминалистической лабораторией...

Портер ненадолго задумался, а потом развернулся к Уотсону:

– Хочешь участвовать в расследовании?

– Я пока считаюсь в нашей лаборатории стажером...

Неужели мне правда можно поработать с вами?!

– Главное, ни в кого не стреляй, – вмешался Нэш.

– У меня нет оружия, – ответил Уотсон. – И никогда не испытывал потребности сдавать экзамен на право ношения. Я скорее книжный червь.

– У Чикагского полицейского управления договор с вашим бюро. Можно официально привлечь тебя в опергруппу в качестве эксперта-консультанта, – объяснил Портер. – Как думаешь, удастся тебе договориться с начальством?

Уотсон поставил фото на комод и достал мобильный те-

лефон.

– Дайте мне минутку, я позвоню. – Он отошел в дальний угол и набрал номер.

– Умный парень, – заметил Нэш.

– Свежая голова нам не помешает, – согласился Портер. – А то от тебя, Бог свидетель, помощи мало.

– Спасибо, и тебя туда же. – Нэш положил фото в пакет для вещдоков. – Отвезу его в штаб.

Портер провел рукой по волосам и оглядел комнату.

– Знаешь, чего еще я здесь не увидел?

– Чего?

– Во всем пентхаусе нет ни единого снимка ее папаша, – ответил Портер. – Здесь нет ни одной вещи, которая подтверждала бы их родство. И даже в компьютере наверняка не найдется ничего, свидетельствующего о его связи с этим местом. Скорее всего, квартира записана на какую-нибудь компанию, которая принадлежит другой компании, которая, в свою очередь, принадлежит какой-нибудь офшорной компании на каком-нибудь Острове сокровищ, где до сих пор гниют пиратские кости...

Нэш пожал плечами:

– Тебя это удивляет? У него есть официальная семья, своя жизнь. Он из тех, кто рвется в политику. Незаконные дети не очень хорошо сочетаются с избирательной кампанией, если они не твоего противника. То же самое относится и к любовницам. Посмотрим правде в глаза: хотя Толбот и говорил,

что любил ее мать больше жизни, тем не менее она оставалась всего лишь любовницей, иначе он бросил бы жену и женился на ней, а не прятал ее в этой башне, вдали от посторонних глаз, независимо от того, есть у них общий ребенок или нет.

Уотсон убрал телефон в карман и вернулся к ним.

– Начальник не против при условии, что я буду успевать справляться еще и с текущими делами.

– А что, возможны трудности?

Уотсон покачал головой:

– Да нет, я все успею. Если честно, мне и самому хотелось сменить обстановку. Приятно будет хотя бы ненадолго выбраться из лаборатории.

– Значит, замечано. Добро пожаловать в опергруппу по делу Убийцы четырех обезьян. Все нужные бумаги заполним в управлении.

– Сэм, не будь таким церемонным, – вмешался Нэш. – Тебе необходимо поработать над собой.

Уотсон показал на фото:

– Хотите, я попробую разыскать этого Тая?

– Да, – кивнул Портер. – Вдруг что и получится?

Он положил снимок в пакет для вещдоков.

Нэш выдвинул верхний левый ящик комода. Там лежало женское нижнее белье. Нэш взял верхние трусы, повертел их в руках и присвистнул:

– Большой размерчик!

– По-моему, в этой комнате живет кто-то вроде няни или экономки, – заметил Портер. – Эмори всего пятнадцать. Она никак не может жить здесь одна.

– Ясно, но тогда где няня сейчас? Почему не заявила о том, что девочка пропала? – спросил Нэш. – Прошел целый день, а может, и больше.

– В полицию она не обращалась, но, может быть, обратилась к кому-то еще, – предположил Портер.

– Имеешь в виду Толбота? – Нэш покачал головой: – Вряд ли; мне показалось, что он неподдельно удивился и расстроился, когда ты сообщил ему новость.

– Если няня работает нелегально, она не станет обращаться в полицию, – заметил Уотсон. – Скорее уж ему позвонит.

– Или кому-то, кто на него работает.

– Допустим, все было именно так, как вы говорите, и она позвонила Толботу. Тогда почему он притворился, будто ничего не знает? Разве ему не хочется найти Эмори?

Портер пожал плечами:

– Адвокат настойчиво просил его помалкивать. Может быть, такая у него позиция. Они скрывали девочку ото всех пятнадцать лет. С чего бы все менять сейчас? У него есть средства; возможно, он бросил на ее поиски своих людей, и мы ему не нужны.

– Тогда зачем рассказывать нам о ней? Если больше всего Толбота заботит, как бы спрятать ее от всего мира, почему он не попытался сбить нас со следа?

Портер подошел к корзине с грязным бельем и потрогал лежавшее сверху полотенце:

– Еще теплое.

Нэш медленно кивнул:

– Значит, ей кто-то позвонил, предупредил, что мы едем...

– Да, согласен. Скорее всего, она сбежала, как только ей позвонили.

– Это не значит, что здесь какой-то заговор. Возможно, она просто нелегал, как только что предположил наш доктор Уотсон, и Толбот не хочет, чтобы ее депортировали, – сказал Нэш.

– Я не...

Нэш взмахнул рукой, предлагая ему замолчать:

– Спорим, она где-то близко. Надо будет поставить кого-нибудь, чтобы следили за квартирой.

У Нэша зазвонил телефон.

– Эйсли, – сообщил он, посмотрев на экран и нажал клавишу ответа. – Нэш слушает.

Портер воспользовался случаем и набрал номер Хизер. Прослушал текст на автоответчике и отключился, не оставив сообщения.

Нэш нажал отбой и сунул телефон в передний карман брюк.

– Он просит нас приехать в морг.

– Что он нашел?

– Говорит, нам лучше увидеть это своими глазами.

ДНЕВНИК

– Милый, положить тебе меда в овсянку?

Мама замечательно варила овсянку. Не из полуфабриката, не из каких-то там хлопьев. Она покупала цельный овес и разваривала до волшебной мягкости, а подавала кашу с тостом и соком в уютном уголке для завтрака на кухне.

– Да, мама, – ответил я. – Можно мне еще сока?

Было начало девятого утра. Четверг, солнечный летний день.

Я услышал, как в нашу сетчатую дверь тихо постучали, и мы оба, обернувшись, увидели, что на крыльце стоит миссис Картер.

Мама широко улыбнулась:

– А, это ты! Заходи!

Миссис Картер улыбнулась в ответ и распахнула дверь.

Благодаря яркому солнцу я увидел очертание ее ног под сарафаном, когда она переступала порог. Она сжала мне плечо и улыбнулась, а потом подошла к маме и поцеловала ее в щеку.

Поцелуй в щеку показался мне довольно пресным после того, что я видел вчера, но от меня не ускользнуло, как они переглянулись.

Мама погладила соседку по голове:

– Сегодня волосы у тебя выглядят совершенно потрясающе. Я бы убила за такие волосы. Я делаю кофе по-ирландски; хочешь?

– Что такое кофе по-ирландски?

– Ой-ой-ой, какие мы еще молоденькие! Кофе по-ирландски – это кофе, в который добавляют чуть-чуть виски «Джесмесон». По-моему, такой кофе прекрасно заводит теплым летним утром, – сказала мама.

– Виски по утрам? Какой ужас! Да, пожалуйста.

Мама налила в чашку горячий кофе, а потом достала из шкафчика, который мне не разрешалось открывать, зеленую бутылку с желтой этикеткой. Отвинтила крышку и плеснула из бутылки в чашку, а потом передала чашку миссис Картер. Я успел заметить, что, когда их руки соприкоснулись, пальцы касались друг друга чуть-чуть дольше, чем это было необходимо.

Миссис Картер отпила глоток и улыбнулась:

– Умереть не встать! Должно быть, зимой такой кофе чудеса творит!

Мама посмотрела на нее и наклонила голову:

– Неужели ты в том же платье, что и вчера?

– Д-да... к сожалению, – покраснела миссис Картер. – Сегодня мне обязательно нужно постирать.

– Не могу допустить, чтобы ты ходила во вчерашнем. Пойдем-ка со мной! – Мама встала и направилась в сторону

спальни. — У меня есть несколько платьев, которые я уже не ношу. По-моему, они прекрасно тебе подойдут.

Миссис Картер улыбнулась мне и пошла за мамой, держа в руке кофе по-ирландски. Я смотрел, как они скрываются за углом. Когда они вошли в спальню, мама закрыла дверь.

Сначала я хотел остаться за столом и доесть завтрак. В конце концов, завтрак — самая важная трапеза за целый день. Я еще рос и прекрасно понимал, как важно правильно питаться. И все же я не остался за столом; я на цыпочках подкрался к спальне и прижался ухом к двери.

С той стороны не слышалось ничего, кроме молчания.

Я вышел на участок и повернул за угол.

Окно маминой спальни выходило на восток, а прямо под ним в тени старого тополя рос большой розовый куст. Стараюсь, чтобы меня не заметили с улицы, я обошел дерево и заглянул в окно. К сожалению, тогда я был еще низкорослым и тщедушным; со своего места я видел только потолок комнаты.

Я быстро сбегал на задний двор и взял большое пластиковое ведро. Поставил его вверх дном рядом с деревом, влез на него и снова повернулся к окну.

Миссис Картер стояла ко мне спиной. Она не сводила глаз с мамы, которая рылась в своем шкафу с пылом собаки, которая хочет спрятать любимую косточку. Когда мама повернулась, в руках она держала три платья. Они с миссис Картер о чем-то говорили, но слов я не слышал; окно в

комнате было закрыто. Мама не любила открывать окно спальни даже в летнюю жару.

Миссис Картер закинула руки за голову и растянула крючки на шее. Когда ее платье упало на пол, у меня перехватило дыхание. Мама протянула ей одно из своих платьев, и миссис Картер надела его через голову. Мама отступила на шаг и смерила соседку одобрительным взглядом. Потом поднесла к губам зеленую бутылку с желтой этикеткой и отпила прямо из горлышка. Вздрыгнула, широко улыбнулась и протянула бутылку миссис Картер, которая, замявшись всего на секунду, тоже поднесла ее к губам и сделала глоток.

Я знал, что такое алкоголь, но ни разу на моей памяти не видел, чтобы мама пила – только отец. После долгого рабочего дня он, как правило, выпивал рюмочку-другую, но мама... ее поведение меня озадачило. И очень удивило.

Миссис Картер вернула бутылку маме; мама отпила еще глоток и передала бутылку соседке. Они обе смеялись за стеклом.

Мама протянула миссис Картер еще одно платье, и та воодушевленно закивала. Сняла платье и подошла к большому маминому зеркалу, прижав второе платье к груди. Кроме белых хлопчатобумажных трусиков, на ней ничего не было. Сердце у меня забилось чаще.

Мама подошла к ней сзади, отбросила ее волосы вбок, открыв изгиб шеи. Я увидел, как мама нежно поцеловала соседку в то место, где шея переходит в плечо. Миссис Картер

закрыла глаза и, слегка запрокинув голову, прижалась к маме. Платье она выронила, и оно упало на пол. В зеркальном отражении я видел, как мамина рука гладила живот соседки, поднимаясь выше, пока не дошла до ее правой груди.

В отличие от миссис Картер, глаза у мамы были открыты. Я знаю это, потому что видел их, я видел, как они смотрят на меня из зеркала, а ее ладони спускались все ниже по телу соседки и нырнули ей в трусики.

Портер – день первый, 10.31

Бюро судебно-медицинской экспертизы и морг округа Кук располагались в центре Чикаго, недалеко от Уэст-Харрисон-авеню. Портер и Нэш добрались туда довольно быстро и припарковались на участке, зарезервированном для правоохранительных органов. Кабинет Эйсли находился на третьем этаже, но он просил их идти прямо в морг, сказав, что будет ждать их там.

Портеру никогда не нравилось в морге. Там всегда пахло формальдегидом и хлоркой, но эти местные «освежители воздуха» не скрывали других запахов: грязных ног, старого сыра и дешевых духов. Всякий раз, входя в дверь, он вспоминал, как в старших классах школы учитель мистер Скарлетто заставил его анатомировать свинью. Едва он входил в морг, ему сразу же хотелось оттуда выйти. Хотя стены были выкрашены веселенькой голубой краской, он отчетливо сознавал, что их окружают мертвецы. Глядя на сотрудников морга, которые ходили с одинаково бесстрастными лицами, Портер невольно гадал, что хранится в их домашних холодильниках. Зато Нэш, кажется, ничего не имел против морга; он задержался на полпути к смотровому залу, у торгового автомата.

– Представляешь, у них закончились батончики «сникерс»! Кто занимается этой фигней? – ворчал он, разглядывая то, что осталось. – Слушай, Сэм, есть у тебя четвертак?

Портер сделал вид, что не расслышал, и толкнул стальную дверь напротив зеленого кожаного дивана – должно быть, он появился здесь еще во времена президента Кеннеди.

– Да ладно тебе! Я проголодался, – крикнул сзади Нэш.

Том Эйсли сидел за металлическим столом в дальнем углу и быстро печатал на клавиатуре. Увидев их, он нахмурился:

– Вы что, пешком добирались?

Портер уже собирался ответить, что на самом деле они доехали довольно быстро, с включенной мигалкой, но передумал.

– По пути мы заезжали во «Флэр-Тауэр». Осмотрели квартиру жертвы.

Большинство людей спросили бы, что они нашли, но только не Эйсли; он, похоже, начинал интересоваться людьми только после того, как у тех останавливался пульс.

Нэш тоже вошел из коридора, держа в руках недоеденный батончик «кит-кат».

– Тебе лучше? – спросил его Портер.

– Не дави на меня; я со вчерашнего дня не был дома. И сигареты все вышли.

Эйсли встал.

– Наденьте оба перчатки. И идите за мной.

Они прошли мимо стола, вошли еще в одни двойные две-

ри и очутились в большом смотровом зале. Шаги гулким эхом отдавались от бежевого плиточного пола – такой же плиткой до половины были выложены и стены. Верхнюю половину выкрасили белой краской. Над головой ярко горели лампы дневного света; отражаясь в дверцах шкафчиков из нержавеющей стали, свет становился ослепительным.

Когда они вошли, им показалось, что здесь градусов на двадцать холоднее, чем в коридоре. В зале было так холодно, что изо рта вырывался пар. Руки покрылись гусиной кожей.

На столе посреди зала лежал обнаженный труп; над столом висела большая круглая хирургическая лампа с ручками по обе стороны. Лицо трупа было накрыто белой простыней. Большой Y-образный надрез начинался в районе пупка и разделялся у грудных мышц.

Портер пожалел, что не запасся жвачкой: она хоть немного отбивала специфический запах.

– Там наш мальчик? – спросил Нэш.

– Да, – кивнул Эйсли.

Труп отмыли от грязи; грязь и пыль остались только в многочисленных ссадинах, напоминавших сыпь.

– Утром я этого не заметил, – сказал Портер, подходя ближе.

Эйсли показал на большие багрово-черные кровоподтеки на правом предплечье и ноге:

– Сюда его ударил автобус. Видите вмятины? Это следы от решетки радиатора. Судя по замерам на месте происше-

ствия, сначала его отбросило вперед, а потом протащило по асфальту. Естественно, повреждены все внутренние органы. Больше половины ребер сломано, четыре ребра проткнули правое легкое, два – левое. Кроме того, разрыв селезенки и одной почки. Судя по всему, причиной смерти стала травма головы, хотя любая из остальных травм могла стать роковой. Смерть наступила почти мгновенно. Спасти его было нельзя.

– Это и есть твоя важная новость? – разочарованно спросил Нэш. – Я думал, ты что-то нашел.

Эйсли выгнул бровь:

– Ну да, кое-что.

– Том, я не любитель саспенса. Выкладывай, что ты нашел, – сказал Портер.

Эйсли подошел к столу из нержавеющей стали и показал на то, что казалось коричневым мешком на молнии, заполненным...

– Это его желудок? – спросил Нэш.

Эйсли кивнул.

– Ничего странного не замечаете?

– А как же! Желудок больше не у него внутри, – ответил Портер.

– А еще?

– Док, для гадания у нас нет времени.

Эйсли вздохнул:

– Видите язвы? Вот тут и тут...

Портер нагнулся:

– Вижу, ну и что?

– Рак желудка, – ответил Эйсли. – Этому человеку жить оставалось месяц или около того; самое большее – два месяца.

– Он умирал? Он знал, что умирает?

– Наверняка знал. На такой стадии не заметить болезнь уже нельзя. Болезнь быстро прогрессировала. На поздних стадиях корригирующего лечения не существует. Должно быть, его мучили сильные боли. Скорее всего, он все знал, и мои находки подтверждают мои слова. Он получал большие дозы октреотида, который вызывает тошноту и диарею. Кроме того, я обнаружил у него высокую концентрацию трастузумаба. Кстати, любопытный препарат. Вначале его применяли для лечения рака молочной железы, затем обнаружили, что он помогает и при других видах рака.

– Думаешь, удастся установить его личность по лекарствам?

Эйсли медленно кивнул:

– Очень может быть. Трастузумаб, как правило, назначают внутривенно. Лекарство необходимо вводить медленно, в течение часа, не реже чем раз в три недели. Не знаю, проводят ли такие процедуры частнопрактикующие врачи. Скорее всего, он вынужден был регулярно ездить в больницу или какой-нибудь крупный онкоцентр. В нашем городе таких всего несколько. Лекарство часто дает осложнения на сердце, поэтому пациентов тщательно мониторят.

Нэш повернулся к Портеру:

– Если он умирал, думаешь, нарочно прыгнул под автобус?

– Сомневаюсь. Как-то все странно. Зачем тогда похищать еще одну девушку? Он явно собирался довести дело до конца. – Портер повернулся к Эйсли: – Сколько, по-твоему, ему оставалось жить?

Эйсли пожал плечами:

– Трудно сказать. Но ясно одно: немного; несколько недель. Самое большее, около месяца. – Он снова показал на желудок. – Должно быть, он испытывал невыносимые, мучительные боли.

– Он принимал что-нибудь обезболивающее? – спросил Портер.

– Я нашел у него в желудке частично переваренную таблетку оксикодона. Сейчас мы проверяем его волосы на наличие других препаратов, уже выведенных из организма. Не удивлюсь, если мы обнаружим следы морфина, – ответил Эйсли.

Портер посмотрел на темные волосы покойника. Волосы хранят следы лекарств и пищи. Обезьяний убийца стригся довольно коротко; волосы не длиннее двух с половиной сантиметров. В среднем волосы у человека вырастают по полтора сантиметра в месяц. Значит, волосы их покойника хранят следы по меньшей мере двухмесячной давности. По волосам можно в пять раз точнее, чем по анализу мочи, опреде-

лить, принимал человек определенные вещества или нет. За долгие годы службы он навидался всякого. Подозреваемые старались вывести вещества из организма всем, чем только можно, – от клюквенного сока до собственной урины. Но из волос ничего вымыть невозможно. Вот почему многие наркоманы, которые находятся на испытательном сроке, бреются наголо.

– У него есть волосы, – тихо сказал Портер.

Эйсли ненадолго сдвинул брови, но потом понял, что Портер имеет в виду.

– Я не нашел никаких признаков химиотерапии, ни одного цикла. Возможно, рак обнаружили слишком поздно, и о традиционных методах лечения речь уже не шла.

– Или он смирился с тем, что умрет, и решил ограничиться симптоматическим лечением, – предположил Нэш.

Эйсли подошел к другому столу, на котором были аккуратно разложены личные вещи покойника.

– Вот здесь, – он показал на серебристую коробочку, – полно лоразепама.

– Его назначают при неврозах, тревожных расстройствах, да?

Нэш ухмыльнулся:

– Стать серийным убийцей – странный выбор досуга для человека с тревожным расстройством.

– Это дженерик, ативан. При раке желудка врачи иногда выписывают его, чтобы снизить кислотность. Тревожность

ведет к повышению секреции желудочной кислоты, а лоразепам ее снижает, – пояснил Эйсли. – Вполне возможно, он был спокойнее всех нас, вместе взятых.

Портер посмотрел на карманные часы, помеченные биркой и запечатанные в прозрачном пакете. Крышка была покрыта сложным узором, под ней виднелись стрелки.

– Не удалось снять с них отпечатки?

Эйсли кивнул:

– У него все руки в ссадинах, но подушечки пальцев не пострадали. Я снял полный комплект и переслал в лабораторию. Правда, мне оттуда еще не ответили.

Портер покосился на туфли.

Эйсли проследил за направлением его взгляда.

– А, о них чуть не забыл! Посмотрите-ка, очень странно... – Он поднял одну туфлю и вернулся к труп, потом приложил пятку к голой ступне. – Они ему почти на два размера велики. Он напихал в носки папиросной бумаги.

– Кто носит туфли на два размера больше? – спросил Нэш. – Кажется, ты сказал, что такие стоят полторы тысячи?

Портер кивнул:

– Может быть, это не его туфли. Надо проверить и их на отпечатки.

Нэш покосился на Эйсли, обвел взглядом зал.

– У вас есть... а, не важно; уже нашел. – Он ненадолго отошел к другому столу и вернулся с набором для снятия отпечатков. Опытной рукой посыпал порошком туфли. – Есть!

– Сними и отправь в лабораторию. Только напомни, что это срочно, и добейся, чтобы они тебя поняли, – сказал Портер.

– Уже иду.

Портер повернулся к Эйсли:

– Еще что-нибудь?

Эйсли нахмурился:

– Что? Лекарства тебе мало?

– Я не...

– Есть еще кое-что.

Он обошел стол и поднял правую руку покойника. Портер старался не смотреть на зияющий разрез в груди.

– Я нашел маленькую татуировку, – сказал Эйсли и показал на черное пятнышко на внутренней стороне запястья. – По-моему, это цифра восемь.

Портер нагнулся.

– Или символ бесконечности. – Он достал телефон и сфотографировал татуировку.

– Свежая. Видишь воспаление по краям? Он набил ее меньше недели назад.

Портер постарался свести воедино все, что он узнал.

– Возможно, это как-то связано с религией. Он умирал.

– Дальше уж вы работайте – вы же детективы, – сказал Эйсли.

Портер приподнял край белой простыни, закрывающей голову. Материя отлепилась с громким треском, как липуч-

ка.

– А лицо, возможно, удастся реконструировать, – заметил Эйсли.

– Правда? – оживился Портер. – Думаешь, получится?

– Реконструкцию буду делать не я, – ответил Эйсли. – У меня есть друг... подруга... она работает в Музее науки и промышленности. Она специалист по такого рода делам – старым останкам и прочему. Последние шесть лет она воссоздает останки представителей племени иллиной, найденные неподалеку от округа Макгенри. Обычно она работает с фрагментами черепа и костей, а не с таким... свежим материалом. Но, думаю, у нее получится. Я ей позвоню.

– Она? – переспросил Нэш. – У тебя завелась подружка? – Он снял отпечатки с туфель и упаковал набор для снятия отпечатков. – Довольно много – шесть частичных и по крайней мере три целых отпечатка большого пальца. Я, конечно, вовсе не хочу сказать, что у нашего неизвестного три пальца, хотя в таком случае опознать его было бы гораздо легче. Отправлю то, что есть... Встречаемся в оперативном штабе! Давай через час? Я и капитана извещу.

Портер вспомнил о дневнике, который лежал у него в кармане. Час – совсем неплохо.

Дневник

Хотя мама меня заметила, я никуда не убежал, а продолжал наблюдать. Я знал, что должен уйти; понимал, что между ними происходит что-то личное, не предназначенное для моих глаз. И все же я продолжал смотреть. Не думаю, что мог бы прекратить, даже если бы захотел. Я стоял у дерева, пока мама и миссис Картер не скрылись из виду. Точнее, упали вниз, но не знаю куда – на пол или на постель.

Ведро подо мной зашаталось. И я зашатался. Коленки затряслись, как желе. Как же я испугался! Сердце глухо стучало в груди. Сказать, что оно билось часто, – преуменьшение.

Происходившее настолько захватило меня, что я не услышал, как мимо нашего дома проехала машина мистера Картера. Я заметил ее, только когда она заскрипела по гравию у дома соседей. Миссис Картер тоже услышала машину; как сурок в последний день зимы, она высунула голову из окна; грудь у нее ходила ходуном, рот был приоткрыт. Она заметила меня в тот же миг, как я увидел ее. Делать было нечего, поэтому я застыл на месте, не сводя с нее взгляда. Она обернулась и что-то прокричала, и тогда к окну подо-

шла мама. На меня она не смотрела.

Они обе отошли от окна.

Хлопнула дверца машины. Мистер Картер никогда не возвращался домой так рано. Обычно он приезжал с работы в шестом часу, примерно тогда же, когда и мой отец. Он увидел, что я стою возле дерева на перевернутом ведре, и нахмурился. Я помахал ему рукой; он не помахал в ответ. Быстро взбежал на свое крыльцо и скрылся за дверью.

Через миг из нашего дома вышла миссис Картер и побежала по лужайке, на бегу расправляя платье. Она покосилась на меня; я поздоровался, но она не ответила. Взойдя на свое крыльцо, она открыла дверь очень осторожно, а потом тихо прикрыла ее за собой.

Я соскочил с ведра и последовал за ней.

Наверное, я все же не назвал бы себя любителем совать нос в чужие дела. Скорее мною двигало здоровое детское любопытство. В общем, я отправился к дому Картеров без всякой задней мысли. Подойдя к их парадному крыльцу, я услышал звонкий шлепок.

Тут я не мог ошибиться. Мой отец был поборником дисциплины; он не раз шлепал меня по мягкому месту. Не вдаваясь в подробности, признаю, что пару раз я заслужил порку и не держал на него зла за то, что он так поступил. Не раз получая то же самое, я съезжился, услышав крик боли.

Когда миссис Картер вскрикнула после шлепка, я понял, что мистер Картер ударил ее. Последовал еще один шлепок,

за ним визг.

Я подошел к машине мистера Картера. Мотор остывал постепенно, а капот был еще горячим; воздух над ним как будто дрожал.

Я стоял рядом с машиной Картеров, когда мистер Картер выбежал из своего дома.

– Какого дьявола тебе здесь надо? – рывкнул он на меня, направляясь к моему дому.

На пороге показалась миссис Картер, но дальше не пошла. Она стояла в дверях, прикладывая к лицу мокрое полотенце. Правый глаз у нее заплыл, распух и слезился. Когда она меня заметила, у нее задрожали губы.

– Не позволяй ему обижать свою мать, – одними губами проговорила она.

Мистер Картер подошел к нашей кухонной двери и замолотил в нее кулаком. Мне показалось странным, что кухонная дверь закрыта. Летом ее открывали ранним утром и не запирали до поздней ночи; только сетчатый экран уберегал дом от насекомых и других существ. Должно быть, мама...

Я разглядел маму у бокового окна. Она смотрела на мистера Картера, который стоял на нашем заднем крыльце.

– Открывай, шлюха проклятая! – заорал он. – Открывай, или я разнесу твою чертову дверь!

Мама молча смотрела на него, не двигаясь с места.

Я направился к дому, но мама вскинула руку вверх, призывая меня оставаться на месте. Я замер, не зная, что де-

лать. Сейчас я понимаю: с моей стороны наивно было думать, будто я что-то могу сделать. Мистер Картер был крупным мужчиной, даже выше отца. Если бы я как-нибудь попытался помешать ему, он бы прихлопнул меня как муху, которая жужжит над головой.

– Думаешь, можешь превратить мою жену в половую тряпку? – Он снова замолотил в дверь. – Я знал, я так и знал, мать твою, ненасытная шлюшка! Я ведь давно вижу, что между вами что-то происходит. Она вечно ошивается в твоём доме! От неё воняет тобой! Уж я-то сразу почуял! Ну, теперь с тебя причитается! Как там говорится – око за око, зуб за зуб? Или, может, лучше выразиться по-простому – сиську за жопу? Хватит, сучка, нагулялась! Теперь плати! Бесплатно ничего не бывает!

Мама отошла от окна.

Миссис Картер у меня за спиной истерически зарыдала.

Мистер Картер развернулся и злобно ткнул в нее пальцем:

– Заткнись, мать твою! – Лицо у него побагровело. На лбу выступил пот. – И не надейся, что я с тобой закончил! Когда разберусь здесь, у нас с тобой будет длинный и тяжёлый разговор. Ты уж мне поверь. Когда я покончу с этой потаскушкой, я займусь тобой. Думаешь, тебе сейчас больно? погоди, пока я вернусь – тебя ждёт десерт!

И тут дверь открылась. На порог вышла мама и пома-нила его пальцем.

Эмори – день первый, 10.40

Эмори поняла, что ее сейчас вырвет.

Едкая густая желчь подступала к горлу. Эмори с трудом сглотнула и поморщилась от мерзкого послевкусия.

Глубоко задышала открытым ртом и заплакала.

Он отрезал ей ухо! Какого черта! Почему...

Ответ пришел почти сразу, и она едва не задохнулась и закашлялась. Жгучие соленые слезы текли по лицу и капали на колени. Она пыталась вытереть лицо, но слезы не останавливались.

Она задышалась и икала, все ее тело сотрясалось. Лило не только из глаз, но и из носа. Когда ей казалось, что она начинает успокаиваться, откуда-то снова подступали страх, боль и гнев – и все повторялось сначала, лишь немного слабее, чем раньше.

Припадок наконец прошел, и дыхание успокоилось. Эмори долго сидела неподвижно. Голова стала странно пустой и легкой, зато болело все тело, ныли мускулы, лицо распухло от слез. Она ощупала наручники, все еще надеясь, что они не настоящие, а игрушечные или такие, которые продаются в магазинах для взрослых – о таких ей рассказывала подруга Лори. По словам Лори, ее бойфренд предлагал поиграть с

ними, но она наотрез отказалась.

Никакой кнопки, отпирающей наручники, она не нашла; браслет плотно сидел на запястье. Наручники невозможно отпереть без ключа. Можно попробовать взломать замок, но для этого надо найти шпильку, булавку или что-то подходящее. Нужно поискать...

Кого она обманывает? Она понятия не имеет, как взламывать замки.

Эмори прекрасно знала о существовании Убийцы четырех обезьян. О нем знали все жители Чикаго, а возможно, и весь мир. Известно было не только то, что в городе орудует серийный убийца. Все с ужасом говорили о том, как он мучает похищенных девушек, прежде чем убить их: отрезает части тела и посылает родственникам. Сначала ухо, потом...

Свободная рука Эмори непроизвольно метнулась к глазам. Хотя ее окружал сплошной мрак, все же она различала очертания предметов; он пока не тронул ее глаза.

Пока... Может быть, он до них доберется, когда возвратится сюда.

Сердце у нее забилося чаще.

Сколько осталось времени до того, как...

Нет, нельзя о таком думать. Нельзя, и все.

Нельзя думать о том, что кто-то вырежет ей глаза, пока она еще жива.

«И язык тоже, дорогуша. Не забывай про язык. После уха и глаз он вырезает язык и посылает обрубок мамочке и па-

почке. Незадолго до того, как...»

Голос у нее в голове казался странно знакомым.

«Ты не помнишь меня, милая?»

Она кое-что сообразила – и сразу же почувствовала, как изнутри поднимается гнев.

– Ты не моя мама! – сквозь зубы процедила Эмори. – Моя мама умерла!

Боже! Она сходит с ума. Разговаривает сама с собой. Может, это от укола? Что он ей вколол? Неужели у нее галлюцинации? Или она просто спит и видит страшный сон, побочное действие. А потом она...

«Милая, все неприятные последствия ты сможешь обдумать потом, когда у тебя будет больше времени. А сейчас постарайся придумать, как отсюда выбраться. До того как он вернется. Ты не согласна?»

Эмори поймала себя на том, что кивает.

«Я желаю тебе только самого лучшего».

– Перестань!

«Обдумаешь потом, когда ты будешь в безопасности. А до тех пор... Эм, сейчас все плохо. Я не могу написать тебе записку и вытащить тебя отсюда. Это гораздо хуже, чем директор школы».

– Замолчи!

Тишина.

Единственными звуками были ее собственное дыхание, пульсация крови в здоровом ухе – и саднящая боль под по-

вязкой.

«На том месте, где было твое ухо, дорогуша».

– Пожалуйста, не надо! Прошу тебя, замолчи!

«Лучше тебе уже сейчас принять то, что случилось. Прими и иди дальше».

Эмори спустила ноги со своей импровизированной лежанки. Колесики закрипели, и каталка поехала к стене; ударившись о нее, покатила назад. Когда ноги коснулись холодного бетона, Эмори захотелось визжать. Страшно было ступать неизвестно по чему, но о том, чтобы сидеть неподвижно и ждать, пока ее похититель вернется, и речи быть не могло. Надо срочно придумать, как выбраться отсюда.

Она напряженно вглядывалась во мрак, стараясь найти хотя бы крошечный источник света, но никакого света не было, кругом одни тени. Эмори подняла руку к лицу. Собственные пальцы она заметила, только когда поднесла их почти к самому носу.

Эмори заставила себя встать, не обращая внимания на головокружение и боль на месте уха. Глубоко вздохнула и для равновесия ухватилась за край каталки рядом с тем местом, куда ее приковали наручниками. Она стояла неподвижно, пока тошнота немного не отпустила.

Как темно! Слишком темно.

«Милая, а если ты упадешь? Представь, что ты куда-то пойдешь, споткнешься и упадешь. Как по-твоему, пойдет падение тебе на пользу? Лучше сядь и хорошенько подумай.

Как тебе мое предложение?»

Эмори старалась не обращать на голос внимания; она осторожно вытянула левую руку вперед и сжала пальцы. Ее рука схватила пустоту. Эмори пошла вдоль каталки, ища стену, возле которой стояло ее ложе. Правая рука лежала на каталке, левую она тянула вперед. Шаг, другой, потом...

Пальцы коснулись стены, и она чуть не отпрянула. Шершавая поверхность показалась ей влажной и грязной. Она осторожно провела ладонью в обе стороны, нащупала какое-то углубление и провела по его краям кончиком пальца, пока не нащупала еще одно углубление, на сей раз не горизонтальное, а вертикальное. Чуть ниже узор повторился. Ее палец обводил прямоугольники.

Шлакоблоки.

Она поднесла палец к носу, понюхала.

Ничего.

«Знаешь, там, где есть одна стена, обычно бывает и другая. Иногда попадается и дверь, и окно... или даже два окна. Попробуй обойти помещение по периметру. Может быть, тебе удастся понять, в какой дыре ты очутилась. Правда, ты прикована к этой мерзкой каталке; не слишком удобно идти и тащить ее за собой».

Эмори с силой дернула каталку, сдвинула ее с места. Снова закрипели колесики. Она крепче ухватилась за край. Главное – держаться за металлический каркас, держаться за что-нибудь... ей стало чуточку легче. Она понимала, что это

глупо, и все же...

«Каталка – как костыль. Кажется, так говорят?»

– Да пошла ты! – вслух сказала Эмори.

Левой рукой ведя по стене, а правой волоча за собой каталку, она медленно продвигалась вперед. Ноги шаркали по полу – медленно, нарочито мелкими шажками. Она считала шаги, пытаясь представить себе пространство, в котором находится. Прошла двенадцать шагов, прежде чем наткнулась на первый угол. По ее приблизительным подсчетам, одна стена равнялась примерно двенадцати шагам.

Она повернула и двинулась вдоль стены налево. Каталка отчаянно сопротивлялась, не желая менять курс. Вскоре она за что-то зацепилась и застряла. Эмори дернула сильнее, каталку занесло, как тяжело нагруженную магазинную тележку с заблокированным колесом. Потом колеса выровнялись, и каталка сдвинулась с места.

Она снова побрела вдоль стены.

Как и предыдущая, эта стена была сложена из шлакоблоков. Пальцы с каждым шагом ощупывали швы; Эмори водила по стене вверх-вниз в поисках выключателя, двери – чего угодно, но ничего не находила, только очередной шлакоблок.

Шесть шагов. Семь.

Эмори ненадолго остановилась; у нее кружилась голова. Она ничего не видела – как темно! Она почти ничего не видела перед собой, даже прижавшись носом к стене. Задрав голову, она гадала, насколько здесь высокий потолок. Да и

есть ли он, потолок?

«Конечно, милая, здесь есть потолок. Серийные убийцы очень умны; ты не первая девушка, которая попала в его логово. Скольких девушек он уже похитил? Пять? Шесть? Он успел отточить все приемы. Не сомневаюсь, помещение, в котором ты находишься, надежно заперто. И все-таки не останавливайся, исследуй дальше. Твое поведение мне по душе. Так гораздо лучше, чем сидеть и ждать, когда он вернется. Сидеть и ждать — для дураков. А у тебя появилась цель. Ты проявляешь инициативу».

Эмори провела рукой по стене, наклонившись как можно дальше вперед, потом привстала на цыпочки, потянулась вверх.

Ничего; только стена.

Рост у нее метр шестьдесят четыре. Если встать на цыпочки и вытянуть руку, можно достать... какую отметку? Метра два? Цепь от наручников довольно длинная; в ней есть небольшой зазор. Возможно, она дотянется и выше.

Эмори присела, сделала глубокий вдох и резко подпрыгнула, подняв руку вверх. Она старалась дотянуться до места как можно дальше от себя. Растопыренные пальцы хватали воздух. Когда она тяжело опустилась на пол, на холодный бетонный пол, ступни обожгло болью, которая отдалась в травмированном левом колене. В прошлом году она порвала связку, когда играла в волейбол, и с тех пор колено периодически болело.

Эмори помассировала болезненное место и прижалась к стене.

Она прошла семь шагов. Продолжала двигаться налево и сделала еще пять шагов, прежде чем добралась еще до одного угла.

Всего двенадцать шагов.

Каталка снова застряла при повороте, и она сердито дернула ее к себе.

«Эй, мне кое-что пришло в голову. Что, если он следит за тобой? Что, если у него здесь видеокамеры?»

– Для видеокамер здесь слишком темно.

«Инфракрасные камеры показывают в темноте, как днем. Возможно, он сидит где-нибудь наверху, закинув ноги на стол, смотрит реалити-шоу с твоим участием и ухмыляется. Голая девушка в замкнутом пространстве! Голая девушка пытается выбраться из заточения. Предыдущая жертва затратила полчаса на то, чтобы обойти все помещение. Эта пошла в отрыв; она уложилась в двадцать минут. Как интересно! Как занимательно!»

Эмори остановилась и вгляделась в темноту.

– Эй! Где ты? Ты... следишь за мной?

Тишина.

– Эй!

«Может, он стесняется?»

– Заткнись!

«По-моему, он спустил штаны и вытащил свою штуковину, а на дверь повесил табличку «Не беспокоить». Он смот-

рит передачу «Эмори после заката», и самое веселье только началось. А девчонка-то, оказывается, спортсменка! Видали, как она подпрыгнула?»

– Теперь я знаю, что ты не моя мама; она бы ни за что так не сказала, – вслух произнесла Эмори.

«Ну, по-моему, он все-таки за тобой следит. Иначе зачем он тебя раздел? Мужчины – извращенцы, дорогуша. Все до одного. И чем раньше ты это поймешь, тем лучше».

Эмори медленно развернулась и, наклонив голову, стала всматриваться в темноту.

– Здесь нет никакой камеры; я бы заметила красный огонек.

«Верно. Потому что у всех камер есть красные огоньки. Мерцающие красные огоньки, заметные издалека. Вот если бы я производила камеры, мне бы и в голову не пришло выпустить камеру без красного мерцающего огонька. Не сомневаюсь, есть надзорный комитет, который проверяет каждую...»

– Да заткнешься ты когда-нибудь? – закричала Эмори, и от смущения ее обдало жаром. Она спорит сама с собой. Не может быть – она разговаривает и спорит сама с собой!

«Я хочу сказать, что не на всех камерах есть красные огоньки, только и всего. Не нужно обижаться».

Эмори досадливо вздохнула и потянулась к стене; двенадцать шагов в одну сторону, угол, еще двенадцать шагов – угол. Место заточения показалось ей огромным квадратом.

Она ощупала две стены, но не нашла двери. Остается еще две стены.

Она снова пошла вдоль стены, волоча за собой каталку; пальцы ощупывали уже знакомые швы между шлакоблоками, проводили дорожки в толстом слое пыли. Через двенадцать шагов она снова очутилась в углу. Двери не было.

Осталась последняя, четвертая стена.

Она подтянула к себе каталку. Сейчас она не столько боялась, сколько злилась. Начала считать шаги. Когда досчитала до двенадцати и пальцы коснулись угла, она остановилась. Двери она так и не нашла. Где дверь? Неужели она ее пропустила? Четыре угла, четыре левых поворота. Она понимала, что обошла всю комнату. Совершила круг, так?

Эмори толкнула каталку в угол и снова быстро зашагала вдоль стены.

Один угол. Два угла, три угла. Она шла быстрее, чем в первый раз; когда рука уткнулась в очередной угол, каталка по инерции ударила ее. Эмори вскрикнула; рука прижалась к низу живота.

Неужели здесь нет двери?

«Похоже, тот, кто проектировал помещение, совершенно не разбирается в своем деле. Разве можно делать комнату без двери? Наверное, ты все-таки пропустила ее».

– Ничего я не пропускала. Здесь нет двери.

«Тогда как ты попала сюда?»

Высоко над головой что-то щелкнуло. И вдруг загремела

музыка – так громко, что Эмори показалось, будто в уши ей втыкают ножи. Она машинально прижала ладони к голове, и слева ее словно молнией пронзило: рука задела место, где раньше было ее ухо. Наручник больно врезался в запястье правой руки. Она нагнулась вперед и вскрикнула от боли, но музыка тише не стала. Песня показалась ей знакомой. Она ее уже слышала.

«Роллинг Стоунз», «Сочувствующий дьяволу».

Пожалуйста, разрешите представиться,
Я человек богатый и со вкусом,
Я был неподалеку уже много лет,
Заполучил много человеческих душ и доверия.

Дневник

Какое-то время мистер Картер стоял на месте и смотрел на маму в упор. Лицо у него было красным, как запрещающий сигнал светофора; лоб наморщился и покрылся испариной. Руки были сжаты в кулаки. Сначала мне показалось, что он ударит маму, но он ее не ударил.

Мама смотрела куда-то поверх его плеча; на секунду наши с ней взгляды встретились, а потом она повернулась к нему:

— Второй раз предлагать не буду. Сейчас или никогда! — Она намотала на палец прядь светлых волос и с мрачной улыбкой отпустила.

— Ты что, издеваешься?

Мама повернулась назад, к кухне, и кивнула:

— Пошли!

Он смотрел, как она входит в дом, потом повернулся к жене:

— Считай, что это первая часть урока! Когда здесь закончу, я вернусь домой и начнется часть вторая! — Он фыркнул, как будто удачно пошутил, а потом вошел в наш дом и захлопнул за собой дверь.

Миссис Картер разрыдалась.

Я был мальчиком, еще не мужчиной, и понятия не имел, как утешить плачущую женщину – откровенно говоря, мне и не хотелось ее утешать. Вместо этого я снова бежал дом, подошел к окну маминной спальни и вскарабкался на вед-ро. В спальне никого не было.

И вдруг изнутри дома послышался ужасный крик. Но го-лос был не мамин.

Портер – день первый, 11.30

Хотя с тех пор, как Портер в последний раз побывал в комнате 1523 в цокольном этаже Чикагского полицейского управления на Мичиган-авеню, прошло всего две недели, ему показалось, что здесь слишком тихо и безжизненно.

«Как в спячке».

Все замерло в ожидании.

Он включил свет и прислушался. Постепенно оживали, жужжа, лампы дневного света; воздух в зале был спертый. Он подошел к столу, порылся в разбросанных бумагах и папках. Все точно такое, как было, когда он уходил.

С фотографии в серебряной рамке в дальнем правом углу на него смотрела жена. При виде ее он невольно улыбнулся.

Присев на край стола, достал телефон и набрал ее мобильный номер. Через три гудка его переключили на автоответчик:

– «Вы позвонили Хизер Портер. Поскольку вас переключили на автоответчик, скорее всего, я увидела ваше имя на определителе номера и решила, что не хочу говорить с вами. Желающих заплатить дань в виде шоколадного торта или других сладостей прошу написать подробности в текстовом сообщении – возможно...»

Не дослушав, Портер нажал отбой и придвинул к себе папку с ярлыком «Убийца четырех обезьян». Все, что им удалось о нем узнать, уместилось в единственной папке – во всяком случае, до сегодняшнего дня.

Он гонялся за Убийцей четырех обезьян в течение пяти лет. Убийца оставил после себя семь мертвых девушек.

«Двадцать одна коробка. Не забывай о коробках!»

Конечно, о коробках он не забывал. Они преследовали его всякий раз, как он закрывал глаза.

Зал был не очень большой, примерно семь на девять метров. Стены выкрашены скучной бежевой краской. Кроме его собственного, здесь стояло еще пять металлических столов. Столы были старыми, старше большинства сотрудников Чикагского полицейского управления. Стояли они неровно, кое-как. В дальнем углу располагался старый деревянный стол для конференций, который Портер нашел на складе в конце коридора. Его поверхность была исцарапана и исписана; на кленовом лаке остались многочисленные отпечатки стаканов, чашек и банок, которые туда ставили много лет. В дальнем углу было большое бурое пятно; они уже давно оставили надежду как-то отчистить или отскрести его. Нэш клялся и божился, что оно напоминает Иисуса. Портер считал, что пятно кофейное.

На стене за столом для конференций висели три доски. На первых двух были фотографии жертв У4О и различные места преступления; третья доска сейчас пустовала. Опергруп-

на пользовалась третьей доской для «мозговых штурмов».

Вошел Нэш и протянул ему стакан с кофе.

– Уотсон совершил налет на «Старбакс». Я велел ему подгребать сюда, как только он доложится лейтенанту наверху. Остальные уже спускаются. У тебя мозги не перегрелись? Я чувую запах дыма.

– Пять лет, Нэш. Начинаю думать, что конца этому не будет.

– Где-то есть по крайней мере еще одна. Мы должны ее найти.

Портер кивнул:

– Да, знаю. И мы ее найдем. Мы вернем ее домой. – То же самое он уже говорил всего полгода назад, когда пропала Джоди Блумингтон, но они не успели вовремя. Он не может больше смотреть в глаза родителям... хватит, сколько можно?

– Вот и вы! – слышался с порога низкий голос Клэр Нортон.

Портер и Нэш повернулись к ней.

– Сэмми, без тебя здесь было как в морге. Дай-ка я на тебя посмотрю! – Она подошла к нему и крепко обняла. – Если тебе что-нибудь будет нужно, звони, хорошо? Обещай, что позвонишь, – прошептала она ему на ухо. – Звони в любое время дня и ночи, понял?

Любые виды проявления сочувствия пугали Портера. Он похлопал Клэр по спине и поспешил отстраниться. Ему ста-

ло неловко – примерно так же, подумалось ему, как бывает неловко священнику, который обнимается со служкой на глазах у прихожан.

– Спасибо, Клэр. Спасибо, что держишь тут оборону.

Клэр Нортон прослужила в управлении почти пятнадцать лет. В свое время она стала самой молодой чернокожей сотрудницей Чикагского полицейского управления. Ее взяли на работу после того, как она прослужила патрульной всего три года. Она заслужила повышение после крупной операции, когда с ее помощью удалось разоблачить одну из крупнейших наркосетей в истории города; все участники оказались несовершеннолетними. Всего тогда взяли больше двадцати школьников, в основном из школы имени Кули, хотя преступники распространяли свой товар еще в шести школах. Да, они действовали исключительно на территории школ, что затрудняло работу полиции. Школы похожи на острова; огороженные заборами, изолированные, они словно живут своей жизнью. За ними трудно следить снаружи. Наркотики контрабандой проносили в здание и хранили в пустых шкафчиках в раздевалках. Покупатели делали заказы онлайн, расплачивались криптовалютой, средства через систему «Биткоин» переправляли на заграничные счета. После того как платеж проходил, покупатель получал текстовое сообщение с одноразового мобильного телефона, в котором указывались номер шкафчика и код. Внутри находилась партия товара. Товар проносили и раскладывали незаметно, а на

тех немногочисленных шкафчиках, которые случайно обнаруживали школьные охранники, не находили ни отпечатков пальцев, ни других зацепок.

Очень нужен был свой человек внутри.

Клэр выглядела юной; хотя в то время ей было двадцать три года, на вид ей можно было дать лет пятнадцать. Ее послали в школу имени Кули. Целых три месяца она изображала ученицу десятого класса (кстати, оценки у нее были отличные). Никто из учителей и одноклассников не знал, что она работает под прикрытием; в курсе были только директор школы и лейтенант. В первый же месяц своего пребывания в школе Клэр начала покупать небольшие партии наркотиков. Прошло два месяца, а они ни на шаг не приблизились к раскрытию дела. Клэр размещала заказ онлайн, оплачивала покупку, получала эсэмэску с номером шкафчика в раздевалке и кодом, открывала шкафчик и забирала посылку. Все шло как по маслу. Ни разу ей не удалось увидеть, кто кладет наркотики в шкафчик. Руководство школы подозревало кого-то из уборщиков. В конце концов, у кого еще есть доступ к шкафчикам в школьной раздевалке? Но никаких доказательств найти не удалось.

Дело сдвинулось с мертвой точки лишь на третий месяц.

Клэр часто ходила в библиотеку. И вот она заметила, что там каждый день собираются примерно одни и те же люди. Многие приходили туда поработать за компьютерами. Чаше других там оказывался один парень, Тревор Джолсон. Клэр

заметила, что многие ученики предпочитают садиться на одних и те же места, работать за одними и теми же компьютерами. Сама она тоже так поступала; сидеть на одном и том же месте было удобно, к определенному компьютеру привыкаешь. К тому же некоторые компьютеры были помощнее, и все старались занять именно их. Все – но только не Тревор. Он каждый день садился за другой компьютер. Спустя какое-то время Клэр заметила в его передвижениях некий шаблон. Тревор садился на один стол левее того, за которым работал накануне. Предположив, куда он сядет в очередной раз, Клэр поставила на тот компьютер программу-кейлоггер и стала ждать.

На следующий день Тревор пришел в библиотеку в обычное время, в начале третьего. Он сел за тот компьютер, «заряженный» Клэр. Все его действия немедленно регистрировались сотрудниками, которые устроились за школьным зданием, в передвижной лаборатории, замаскированной под грузовик. Вскоре Тревор зашел на форум наркоманов, посмотрел запросы и подтвердил сделки через торговую площадку «Биткоин» под названием «Коин-Криб». Закончив работу, он тщательно стер из памяти компьютера все следы своего пребывания и покинул библиотеку.

Клэр проследовала за ним в спортивный зал. Там Тревор встретился с двумя футболистами из школьной команды и тремя девушками-чирлидерами. Ей удалось подслушать его распоряжения. Он говорил им, что куда положить, продик-

товал номера шкафчиков и коды. Она не видела, как его подручные раскладывали товар, потому что в раздевалке по совету полиции установили скрытые камеры.

На следующее утро сотрудники управления взяли всех шестерых. Они заговорили в тот же миг, как увидели друг друга, спеша поскорее выложить все и опередить остальных, чтобы скостить себе срок.

В конце концов удалось взять еще семнадцать участников преступной сети, в том числе сына начальника одного школьного округа. Коды от шкафчиков он брал из файла, который хранился на домашнем компьютере его отца.

После того дела ее прозвали Джамп-стрит в честь старого сериала, где полицейских тоже внедряли в школу. Правда, называть Клэр так в глаза никто не осмеливался.

Клэр покачала головой:

– Хоть бы поблагодарил меня за то, что я присматриваю за твоим напарником! Он туп как пробка. Спорим, если запереть его в комнате и вернуться через час, он будет валяться на полу мертвым, с языком, засунутым в розетку.

– Эй, я тоже здесь, – напомнил Нэш. – Я все слышу!

– Знаю. – Клэр повернулась и взяла у него стакан с кофе: – Спасибо, малыш!

Следом за Клэр в оперативный штаб вошел Эдвин Клозовски, для сотрудников просто Клоз. В одной руке он сжимал битком набитый портфель, а в другой держал недоеденный шоколадный кекс.

– Наконец-то вся банда в сборе? Давно пора! Вы не представляете, какая тоска сидеть в центральной аппаратной и вскрывать жесткие диски извращенцев – любителей «клубнички»! Еще немного – и я бы вернулся в фирму по производству компьютерных игр! Как дела, Сэмми? – Он похлопал Портера по плечу.

– Привет, Клоз!

– Рад, что ты вернулся. – Клозовски поставил портфель на один из пустых столов и запихнул в рот остатки кекса.

Портер заметил Уотсона, который стоял в дверях, и помаанил его к себе.

– Клоз, Клэр, знакомьтесь, это Пол Уотсон. Временно командирован к нам от экспертно-криминалистической лаборатории. Очень нам помогает. Кто-нибудь видел Хозмана?

Клэр кивнула:

– Я разговаривала с ним минут двадцать назад. Он проверяет финансы Толбота, но пока ничего интересного не нашел. Обещал, что свяжется с тобой, как только на что-нибудь наткнется.

Портер кивнул:

– Ладно, тогда начнем!

Все расселись за большим столом. С белых досок на них смотрели жертвы Убийцы четырех обезьян.

– Нэш, где тот снимок Эмори?

Нэш достал снимок из пакета и передал ему. Портер приклеил его на крайнюю правую доску.

– Я повторю все с самого начала. Конечно, почти все вы всё прекрасно знаете, но Уотсон не в курсе, а мы, может быть, что-нибудь поймем от повторения. – Он указал на снимок в нижнем левом углу: – Калли Тремел. Двадцать лет, похищена пятнадцатого декабря две тысячи девятого года. Она стала первой жертвой...

– О которой нам известно, – уточнила Клэр.

– Она стала первой жертвой, после чего мы заговорили о почерке убийцы, которого прозвали Обезьяньим или Убийцей четырех обезьян. Правда, судя по косвенным уликам, ему уже доводилось убивать раньше, – сказал Клозовски. – Убийцы не возникают вдруг, ниоткуда. Они формируются постепенно, со временем оттачивая приемы и почерк.

Портер продолжал:

– Родители заявили о ее пропаже во вторник, а ухо получили по почте в четверг. В субботу они получили глаза, а во вторник – язык. Все посылки были упакованы в маленькие белые коробки, перевязанные черной бечевкой, с адресом, надписанным от руки. Ни на одной коробке не удалось найти отпечатков. Он с самого начала проявлял крайнюю осторожность.

– Что подтверждает версию о том, что она не была его первой жертвой, – сказал Клозовски, упорно стоя на своем.

– Через три дня после того, как прибыла последняя коробка, какой-то бегун обнаружил ее труп в Алмонд-парке. Ее оставили на скамье, а к рукам приклеили картонную кар-

точку, на которой было написано: «Не совершать зла». Мы начали догадываться о его образе действия после того, как он прислал глаза, но карточка подтвердила наши подозрения.

Уотсон поднял руку. Нэш закатил глаза:

– Док, мы не в третьем классе! Не стесняйся, выкладывай, что у тебя на уме!

– «Док»? – повторил Клозовски. – А, понял. Не обращайтесь внимания!

– Кажется, я где-то читал, что именно так он подбирал себе жертв? «Не совершать зла»? – спросил Уотсон.

Портер кивнул:

– После второй жертвы, Эль Бортон, мы это поняли. Сначала мы думали, что Обезьяний убийца считал злом нечто, совершенное самими жертвами, и потому похищал их, но после Эль мы сообразили, что его целью были вовсе не сами девушки, а их родственники. Эль Бортон пропала второго октября две тысячи десятого года, почти через год после первой жертвы. Ей было двадцать три года. Нам сообщили о ней через два дня после похищения, когда родители получили коробку с ее ухом. Еще через неделю обнаружили ее труп; в руки ей сунули налоговую декларацию на имя ее бабушки за две тысячи восьмой год. Мы немного покопали и обнаружили, что бабушка умерла в две тысячи пятом. Оказалось, что отец девушки последние три года заполнял фальшивые декларации. Тогда мы подключили Мэтта Хозмана из отдела по борьбе с финансовыми преступлениями, и он обнаружил,

что дело гораздо серьезнее. Отец Эль получал налоговые вычеты на двенадцать человек, которые уже умерли. Все они обитали в доме престарелых, которым он управлял.

– Откуда убийца мог это узнать? – спросил Уотсон.

Портер пожал плечами:

– Мы не знаем. Но в свете новых данных мы решили заняться родственниками Калли Тремел.

– Первой жертвы, – кивнул Уотсон.

– Оказалось, что ее мать отмывала деньги в банке, где работала; за последние десять лет через ее руки прошло свыше трех миллионов долларов, – сказал Портер.

Уотсон нахмурился:

– Вот интересно, откуда убийца мог знать, чем она занималась? Может быть, это ниточка? Надо выяснить, у кого был доступ к этим сведениям, и можно установить личность Обезьяньего убийцы...

– Ага, как будто все так просто! – фыркнул Клозовски. Он встал и подошел к доске. – Мелисса Ламекс, жертва номер три. Ее отец торговал детской порнографией. Сестра Барбары Макинли насмерть сбила пешехода за шесть лет до того, как похитили Барбару. Ее причастность к преступлению удалось установить только после похищения... Отец Сьюзен Деворо в своем ювелирном магазине менял настоящие бриллианты на поддельные. Брат Эллисон Краммер держал во Флориде подпольный цех, в котором трудились нелегалы. А Джо-ди Блумингтон, его последняя жертва...

– Предпоследняя, – уточнил Нэш. – Последняя – Эмори Коннорс.

– Извините, предпоследняя жертва... Так вот, ее отец ввозил в страну кокаин, работал на картель Карлитто. – Клозовски стучал пальцами по снимкам. – Все похищенные и убитые девушки находились в родстве с людьми, которые совершили что-то плохое, но между собой они никак не связаны. В их преступлениях нет ничего общего.

– Он похож на члена «Комитета бдительности», – заметил Уотсон.

– Да, и судя по всему, база данных у него мощнее, чем у полиции. Ни одно из совершенных преступлений не было нами зарегистрировано, – сказал Портер. – Если бы не Обезьяний убийца, эти люди до сих пор разгуливали бы по улицам.

Уотсон встал и подошел к доске. Прищурившись, он принялся разглядывать фотографии жертв.

– В чем дело, док? – спросил Клоз и прыснул.

Все посмотрели на него.

Клоз обиделся:

– Значит, когда Нэш обзывается, это мило и забавно, а нам, айтишникам, запрещено? Теперь понятно, как у вас идут дела в вашем в подвале!

Уотсон постучал по доске:

– Он наращивает мощь. Посмотрите на даты!

– Нарашивал, – поправил его Нэш. – Больше он никого

не убьет.

– Ну да, верно, наращивал. До пятой жертвы, Сьюзен Деворо, он убивал примерно одну жертву в год. Потом он стал похищать девушек через шесть-семь месяцев. Кроме того, вот что. – Он постучал по фотографии Барбары Макинли. – Только она одна блондинка. Все остальные брюнетки. Это имеет какое-то значение?

Портер пригладил волосы и покачал головой:

– Я так не думаю. Убивая девушек, он на самом деле наказывает за преступления их родственников. Не думаю, что все как-то связано с самими жертвами.

– Все остальные девушки похожи внешне. У всех длинные темно-русые волосы, и по возрасту они близки. Так что какой-то типаж у него есть. Исключение составляет только блондинка Барбара. Так сказать, аномалия. – Немного помолчав, Уотсон спросил: – Он их насиловал?

Клэр покачала головой:

– Нет. Ни одна из них не была изнасилована.

– У кого-нибудь из них есть брат?

– У Мелиссы Ламекс, Сьюзен Деворо и Калли Тремел было по одному брату; у Эллисон Краммер – два, – ответила Клэр. – Я беседовала с ними, когда опрашивала членов семей.

Уотсон кивнул; он усиленно соображал. Портеру показалось, что он видит, как в его голове вращаются шестеренки.

– Если допустить, что в половине семей был по крайней

мере один сын и он похищал там детей наугад, среди жертв должны были попасться один или двое мужчин. Но этого не произошло; была причина, по которой он предпочитал дочерей сыновьям, – только мы не знаем почему.

Портер откашлялся:

– Откровенно говоря, не уверен, что сейчас это имеет какое-то значение. Нам не нужно волноваться за его следующих жертв. Как верно подметил Нэш, больше он никого не убьет. Мы должны сосредоточиться на его последней жертве.

Уотсон вернулся на место.

– Извините, иногда мне в голову приходит много мыслей сразу, и я теряю нить.

– Не извиняйся, мы потому и попросили тебя присоединиться к нам. Часто полезно взглянуть на происходящее свежим взглядом.

– Понятно, – кивнул Уотсон.

Портер взял синий маркер и сверху на третьей доске написал большими буквами: «ЭМОРИ КОННОРС».

– Итак, что нам известно о жертве?

– Судя по записям охранника, который сидит у входа в ее жилой комплекс, вчера в начале седьмого вечера она вышла на пробежку, – ответила Клэр. – По словам охраны, такие пробежки были для нее обычными. Она бегала почти каждый день, по вечерам. Никто не видел, как она вернулась.

– Им известно, где она любила бегать? – спросил Нэш.

Клэр покачала головой:

– Они видели только, как она уходила и приходила.

– Возможно, на этот вопрос сумею ответить я, – вмешался Клоз, что-то набиравший на своем макбуке. – Она носила «Фитбит Сердж».

– Что?!

– Умные часы для фитнеса. Они измеряют давление, пройденное расстояние, считают калории. Кроме того, в них есть встроенный навигатор GPS. Я нашел у нее на компьютере программу со всеми данными. Сейчас я получаю доступ к информации.

– Есть надежда, что ее навигатор еще жив?

Клоз покачал головой:

– Там все работает совсем не так. Часы фиксируют местоположение, когда они на руке у владельца, затем сохраняют данные в облачном приложении на смартфоне или передают напрямую на компьютер. Она синхронизировала часы с телефоном – он тоже выключен, но, по-моему, я знаю, куда она пошла.

Он развернул макбук, чтобы остальные видели монитор. На нем появилась карта. На карте проступила пунктирная синяя линия, начинающаяся от «Флэр-Тауэр». Она шла по Уэст-Эри-стрит в сторону реки. На набережной линия окружала большое зеленое пространство.

– Такой же маршрут можно найти почти каждый день. – Клоз постучал по экрану. – Это Монтгомери-Уорд-парк.

Портер наклонился ближе и прищурился. Зрение у него

ни к черту.

– Клэр, съезди туда, пожалуйста, после того как мы здесь закончим. Сделаешь?

– Сделаю, босс.

Он повернулся к Клозу:

– Ты нашел еще что-нибудь в ее компьютере?

Клоз снова развернул макбук к себе и принялся что-то набирать на клавиатуре.

– Ты дал мне возможность легально порыться в компьютере красивой девчонки. Наверное, излишне говорить, что я искал тщательно.

– Вот извращенец! – фыркнула Клэр.

Клоз ухмыльнулся:

– Горжусь своим больным воображением, дорогая. Когда-нибудь ты мне еще спасибо скажешь. – Какое-то время он смотрел на монитор. – Бойфренда Эмори зовут Тайлер Матерс. Он учится в одиннадцатом классе школы имени Уитни Янга. И...

Все сотовые телефоны в комнате одновременно запикали.

– ...Я послал вам его фото, мобильный номер и домашний адрес, – продолжил Клоз. – Они встречаются чуть больше года. Она считает, что у них серьезные отношения.

– А это не так? – спросил Портер.

Клоз лукаво улыбнулся:

– Я зашел на его страничку в «Фейсбуке». Похоже, парень любит поиграть.

Все посмотрели на него.

– Да ладно вам! Если вы в качестве пароля используете имя жены или подружки, то заслуживаете того, чтобы вашу почту взломали.

Портер мысленно велел себе сменить пароль к своей электронной почте.

– В следующий раз все-таки дожись ордера. Сейчас нам меньше всего нужно, чтобы ты испортил дело.

Клоз отдал ему честь:

– Есть, капитан!

Портер написал на доске: «Тайлер Матерс» – и провел стрелку к мальчику на фото с Эмори.

– Мы с Нэшем сегодня нанесем Тайлеру визит. Есть в ее компьютере еще что-нибудь интересное?

– У Эмори «Мак», к тому же очень красивый. Пожалуй-ста, не оскорбляй этот шедевр, называя его компьютером. Такие оскорбления тебя недостойны, – ответил Клоз.

– Ах, простите! Так есть в ее «Маке» еще что-нибудь?

– Нет, сэр. – Клоз покачал головой.

– Что с тремя исходящими звонками по телефону?

Клоз поднял руку и принялся загибать пальцы:

– Пиццерия, китайский ресторан, итальянский ресторан. Эта девочка умеет выбирать еду.

Клэр откашлялась:

– В списке постоянных гостей значится Т. Матерс. Кроме него, там всего одно имя: А. Толбот.

Портер написал на доске: «Артур Толбот», а под ним – «Финансы?».

– Очень любопытно узнать, что нароеет Хозман по этому типу. Обезьяний убийца выбрал Эмори не без причины; готов поспорить, ее папаша занимается нечестными делишками.

– Может, вызвать его на допрос? – предложила Клэр.

– Если мы вызовем его на допрос, он окружит себя целым взводом адвокатов; мы ничего из него не вытянем. Если нам понадобится снова побеседовать с ним, лучше всего, наверное, организовать неформальную встречу; попробовать заставить его врасплох в таком месте, где он чувствует себя спокойно. Так он скорее проговорится, – ответил Портер. – Кроме того, он в нашем городе большая шишка, дружит с мэром и кто знает с кем еще. Если мы дернем его на раннем этапе, то, скорее всего, ничего не узнаем; потом, если понадобится вызвать его снова, он позвонит кому-нибудь из своих приятелей и попросит защиты. Лучше подождать, пока у нас не появится чего-нибудь конкретного.

– А вот что любопытно, – сказал Клоз, не отрывавшийся от монитора. – Лифт в этом здании записывает всех, кто входит и выходит.

Портер вздохнул:

– Надеюсь, ты не взломал базу, как страничку в «Фейсбуке» ее бойфренда? Потому что если да, то...

Клоз поднял руки вверх:

– Да ладно вам, неужели я похож на рецидивиста?

– Еще как похож! – буркнула Клэр себе под нос.

– И вас туда же, мисс Нортон.

Клэр ухмыльнулась и высунула язык.

– Управляющий жилым комплексом оказался настолько любезен, что предоставил нам доступ, – пояснил Клоз.

– И что там? – спросил Портер.

Клоз поджал губы и прищурился, просматривая текстовый файл.

– Вчера Эмори спустилась вниз в три минуты седьмого вечера; назад она не возвращалась. Возможно, именно тогда она отправилась на пробежку. А в 9.23 в пентхаус поднялась некая Н. Барроуз. Она спустилась вниз сегодня в 9.06 утра.

– Всего за несколько минут до того, как прибыла наша бригада, – заметила Клэр.

– Готов поспорить, что мисс Барроуз и есть наша пропавшая экономка, – сказал Портер. – Пожалуйста, наведи справки у портье «Флэр-Тауэр». Может, у них записано ее полное имя?

– Если бойфренд девушки находится в списке гостей, ты не думаешь, что и экономка должна там быть? – спросила Клэр. – В списке ее нет.

– Может, она живет в нашей стране нелегально? – заметил Нэш.

– Тогда зачем предъявлять ключ-карту на свое настоящее имя? – возразил Портер. – Или, может быть, это не настоя-

щее ее имя?

Все промолчали.

Портер глубоко вздохнул.

– Итак, мы возвращаемся к человеку дня, утреннему покойнику. – Он пересказал коллегам все, что они узнали у Эйсли.

– Он умирал? – удивился Клоз.

– Ему оставалось жить меньше месяца.

– Думаешь, он нарочно бросился под автобус?

– По-моему, такую версию нельзя исключать, – ответил Портер.

Он написал на доске У4О, а под ним следующее:

КВИТАНЦИЯ ИЗ ХИМЧИСТКИ

ДОРОГИЕ ТУФЛИ – НА 2 РАЗМЕРА ВЕЛИКИ

ДЕШЕВЫЙ КОСТЮМ

МЯГКАЯ ФЕТРОВАЯ ШЛЯПА

75 ЦЕНТОВ МЕЛОЧЬЮ (2 ЧЕТВЕРТАКА, 2 МОНЕТЫ
ПО 10 ЦЕНТОВ И 5 ЦЕНТОВ)

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ

УМИРАЛ ОТ РАКА ЖЕЛУДКА

– Не верится, что подонок умирал, – буркнул Клоз, ущипнув себя за руку.

Портер постучал по доске:

– О чем нам говорят его личные вещи?

– Квитанция из химчистки –дохлый номер, – отозвалась Клэр. – Если не считать номера 54873, на ней нет никаких

сведений, даже даты или адреса приемного пункта. Бланк квитанции вырван из типовой книжки; их заказывают в магазинах канцтоваров онлайн. Половина химчисток в городе пользуются такими бланками.

– Клоз, займись этим. Запиши список всех химчисток в радиусе пяти километров от места происшествия и обзвони их все; выясни, пользуются ли они такими бланками. Если да, спроси, есть ли вещи по квитанции номер 54873. Судя по квитанции, Обезьяний убийца свои вещи так и не получил. Если даже ты обнаружишь не одну квитанцию с таким номером, мы потом сможем сократить список, ведь другие клиенты заберут свои вещи. Если ничего не найдешь, расширь сферу поисков. Правда, он ходил пешком и, вполне вероятно, сдал вещи в химчистку неподалеку.

Клоз взмахнул рукой:

– Принимаю твой вызов!

Нэш подался вперед и, прищурившись, посмотрел на доску. Ему давно выписали очки, но он отказывался их носить.

– А что делать с костюмом и туфлями?

– Пока Клоз обзванивает химчистки, пусть заодно проверит и обувные магазины, – предложила Клэр.

Обернувшись к ней, Клоз показал средний палец и высунул язык.

Какое-то время Портер смотрел на доску.

– Нет, Клозу, пожалуй, лучше ограничиться химчистками. Туфли не по размеру беспокоят и меня, но пока мы не

можем предположить ничего конкретного. Сохраним сведения на доске на тот случай, если они пригодятся позже.

— А мелочь чем нам поможет? — спросил Нэш. — У всех присутствующих в карманах наверняка найдутся такие монеты.

Портер задумался. Может, и правда стереть упоминание о мелочи с доски? Нет, пусть пока останется.

— Пока не будем ничего исключать. — Он повернулся к Уотсону: — Удалось что-нибудь выяснить насчет карманных часов?

— Я поеду в дядину лавку, как только мы здесь закончим, — ответил тот.

Портер снова посмотрел на доску.

— Думаю, скорее всего, мы разыщем его благодаря вот этому. — Он подчеркнул последнюю строчку. — По словам Эйсли, у него в крови обнаружены следы октреотида, трастузумаба, оксикодона и лоразепама. Трастузумаб вводят внутривенно и под наблюдением медперсонала. Этим занимаются лишь в нескольких крупных медицинских центрах. Необходимо обойти их, дать им приметы Обезьяньего убийцы и искать пропавших пациентов.

— Я могу этим заняться, — вызвалась Клэр. — Много ли онкобольных разгуливают по городу в фетровых шляпах и дешевых костюмах, но при этом покупают дорогие туфли? Чувствую, тут-то нам и пригодится его гардероб. Если он и на процедуры являлся в таком виде, наверняка его там за-

помнили.

– Согласен. – Портер кивнул. – Кроме того, Эйсли нашел у него на правом запястье небольшую татуировку. – Он вывел изображение на экран телефона и пустил его по рукам. – Татуировка свежая. По мнению Эйсли, он набил ее где-то около недели назад.

Клоз внимательно рассмотрел фото.

– Что это – знак бесконечности? Довольно странно для типа, который готовится отбросить коньки.

– Наверное, знак что-то для него значил, – заметила Клэр, нагибаясь поверх его плеча. – Только моряки и пьяницы делают татуировки, повинувшись внезапному порыву. Обычно сто раз подумаешь, прежде чем украшать себя особой приметой.

Клоз покосился на нее снизу вверх и ухмыльнулся:

– Ты по опыту знаешь? Ничего не хочешь нам показать?

Она подмигнула ему:

– Мечтать не вредно, компьютерный наш гений!

Портер достал из кармана дневник и выложил его на стол.

– И вот еще что...

Ненадолго все замолчали и уставились на тетрадку.

– Ух ты, а я подумал, что Нэш присочинил! Этот гад действительно вел дневник? – оживился Клоз. – Ты включил его в список улик? В материалах дела о нем ни слова!

Портер покачал головой:

– Не хочу, чтобы репортеры пронюхали о нем раньше вре-

мени... Пока не стоит.

Клоз присвистнул:

– Рукописный манифест Обезьяньего убийцы? Черт, да ведь он стоит целое состояние!

– Это не манифест; больше похоже на автобиографию. Начинается в то время, когда он был еще маленький.

Клоз поудобнее развалился на стуле:

– Что-нибудь типа: «Сегодня Бекки Смит пришла в школу в коротком красном платье, которое мне так нравится. Я был счастлив. Решил проводить ее домой и спросить, серьезно ли она ко мне относится. Когда она ответила «нет», я выпустил ей кишки в ее гостиной. Да, оторвался по полной! Завтра в школьной столовой пицца. Я люблю пиццу, но не так, как бургеры, бургеры с сыром такие...»

Клэр бросила в него ручкой, и Клоз ойкнул.

Нэш кивнул в сторону дневника:

– Ладно, раз никто не задает этот вопрос, его задам я. Ты дочитал до конца? Что там на последней странице?

Портер подвинул ему тетрадку:

– Загляни, если хочешь.

Прищурившись, Нэш взял дневник. Все затихли; сразу стало душно. Нэш пролистал дневник до последней страницы.

«Ах, добрый сэръ! Разве мама не учила вас, что заглядывать в конец книги до того, как вы заслужили такое право, –

смертный грех? Писатели на нашей большой планете превращаются в гробах, возмущенно закатывают глаза и от всей души желают вам и вашим близким самого наилучшего. Хотелось бы мне сказать, что я в вас разочарован, но это будет ложью. Будь все наоборот и оказался я сейчас на вашем месте, несомненно, поступил бы точно так же. Но, увы, ответы, которые вы ищете, нельзя найти здесь, в конце. Предлагаю вам налить себе большую чашку кофе, устроиться поудобнее в вашем любимом кресле и пролистать назад, к началу. Вам в самом деле стоит начать с начала, разве вы так не считаете? Как вы узнаете, чем закончится наша история, если не будете знать, с чего все началось? Узнать меня – значит понять мои побудительные мотивы, а у меня они есть, уверяю вас! Вам нужно только понять, на что обратить внимание. Научиться читать между строк, будь они неладны. Ведь в том, чтобы узнать правила игры, заключается половина удовольствия! Удачи, друг мой. Я за вас болею, правда болею. Все это так забавно, вам не кажется?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.